

ДЕТЕКТИВ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Дарья Калинина

Обещать -
не значит
жениться

Дарья Калинина

Обещать – не значит жениться

«ЭКСМО»

2013

Калинина Д. А.

Обещать – не значит жениться / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2013

ISBN 978-5-699-64486-5

Инга давно с трепетом ждала открытия международной ювелирной выставки. Ну когда еще разведенной женщине представится возможность насладиться блеском дорогих украшений и изысканных сокровищ? На выставке к ней и подошел красавец-мужчина, назвавшийся Кириллом – представителем одной из ювелирных компаний. Он преподнес ей изумительное кольцо с редким камнем и пригласил на ужин. А через несколько дней Ингу обвинили в убийстве этого самого Кирилла, который на самом деле оказался Михаилом – известным брачным аферистом и мошенником. Дорогущее же кольцо из далекой Танзании в это же время испарилось самым мистическим образом из Ингиной квартиры...

ISBN 978-5-699-64486-5

© Калинина Д. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дарья Калинина

Обещать – не значит жениться

Глава 1

В последнее время Инга вновь зажила той беззаботной жизнью, какой жила когда-то, будучи двадцатилетней девчонкой. Нет, конечно, она всегда точно знала, что в душе ей неизменно восемнадцать. Но одно дело знать это для самой себя, и совсем другое – жить такой жизнью. А уж когда тебе при этом уже за сорок, да что там, почти все сорок пять, то такая жизнь воспринимается как своего рода подарок свыше.

Впрочем, сначала Инга своего счастья не просекла. Она даже всплакнула в аэропорту, отправляя сына к его отцу. Так уж случилось, что с мужем они развелись пять лет назад. И с тех пор каждый считал себя самостоятельным индивидуумом. Ну а сын благополучно курсировал от одного родителя к другому, взад и вперед бороздя воздушный океан. Дома учеба и мать. А у отца в его красивом доме под Лондоном – каникулы.

Первый раз, вернувшись от отца, Юра был в полном восторге.

– Мама, слетала бы ты в следующий раз со мной. У отца там реально классно! Ты только представь, у него прямо во дворе настоящий бассейн! Для Англии это дико круто. Все местные пацаны мне завидовали. И есть чему! В этом бассейне можно плавать хоть до усеру!

– Юра, что за выражения? Где вы там с отцом бывали? Откуда ты набрался таких выражений?

– Да уж не по музеям ходили... – непривычно едко отозвался сын.

Инга напряглась, сразу почувствовав интонации своего бывшего мужа, который всегда издевался над тягой Инги к классическому искусству и музыке. Сын понял, что ляпнул что-то не то, и жалобно заканючил:

– Ну, мама, обещай, что слетаешь со мной к папе?

Инга пообещала, хотя в душе твердо знала, что ни в какую Англию к своему бывшему мужу она не полетит. Нет, не хочет она ни бассейна, ни самого Джимми (так теперь звался ее бывший муж Димка).

Хватит с нее попреков в том, какая она несовременная, как тянется к чему-то высокому и потому непонятному. Хватит скандалов на тему того, что она витает мыслями в чем-то заоблачном, вместо того чтобы хватать то, что попадает под руку, и этим быть довольной. Хватит с нее Димы, хватит их семейной жизни, хватит всего, что связано с этим человеком! Она свой долг, если он и был, сполна искупила за годы смиренной супружеской жизни.

Юра тогда все понял и тоскливо вздохнул. В семнадцать лет не так-то легко примириться с тем, что твои родители теперь живут не только в разных квартирах или городах, но и в разных странах.

Но время шло, отец оставался для Юры отцом, а мать – матерью. И юноша привык к такому раскладу. Ничего не поделаешь, предки развелись. Не они первые, не они последние. Юра изо всех сил старался, чтобы между родителями сохранились хорошие отношения. И они ради сына старались изо всех сил. Впрочем, живя на приличном расстоянии друг от друга, сохранять видимость мира оказалось куда легче, чем находясь в одной квартире бок о бок.

– Если Димка меня теперь слишком раздражает, я всегда могу сослаться на технические проблемы и выйти из скайпа, – поделилась она со своей подругой Славой.

– И частенько ты так делаешь?

– Случается.

– И он тоже?

– Что?

– Тоже выходит из скайпа? Ты часто его раздражаешь?

– Наверное. Хотя теперь он все чаще твердит, что я – ангел. И что лучше женщины не сыскать в целом свете.

– Так может, вы еще и помиритесь?

– Ну нет. В молодости нас частенько примирял секс. А сейчас... Не знаю, что могло бы меня примирить с этим чурбаном малограмотным.

– Не преувеличивай. У твоего Димки есть высшее образование, и покруче твоего. Что ты там закончила? Институт культуры? Вот и сиди, не вякай. А у Димки твоего диплом международного образца.

– Он уже давно не мой, в смысле Димка.

Но как уже говорилось, когда самолет сына скрылся в облаках, в душу Инги закралась непрощенная печаль. Вот и она совсем одна. Ни мужа, ни сына – никого. Но уже возвращаясь домой из аэропорта, Инга неожиданно почувствовала, что тоска ее развеялась. А еще она заметила, как много в вагоне метро симпатичных мужчин. Просто даже удивительно много! Откуда они тут все взялись? И какие все симпатичные! Просто с каждым заведи роман и будь счастлива!

Прежде, будучи замужней дамой или мамой взрослого уже сына, Инга себе таких вольных мыслей не позволяла. Но теперь, когда она осталась совсем одна... одна... одна!

Из метро Инга вышла почти веселой. А добравшись до дома и осознав, что отныне ей вовсе не обязательно готовить огромные кастрюли борща, жарить бесчисленные котлеты и стоять над горами картошки, которые ее мужчины поглощали в невероятном количестве, она неожиданно для самой себя рассмеялась тем счастливым и беззаботным смехом, какого не слышала от себя с момента замужества.

Долой домашнее иго! Долой рабство! Она свободна! Одна! Может делать что хочет и когда хочет. Смело! Безудержно!! Безоглядно!!!

Инга даже запела, поднимаясь к себе на этаж, где ждала ее уютная квартирка, отныне принадлежащая только ей одной. Сын закончил учебу, он улетел на стажировку в фирму отца. Вряд ли он вернется назад. Если и появится, то лишь на время отпуска, чтобы навестить свою мать. То время, когда он нуждался в ней, давно и безвозвратно кануло в Лету. Теперь у Инги начиналась новая жизнь, которую она могла посвятить себе одной.

Именно тогда она и почувствовала, как стало легко ее ногам. Как они взлетели вверх по истертым ступеням старинной лестницы, наплевав на работающий лифт.

После развода Инга предпочла жить в центре, где было рукой подать до всего того, что было ей дорого и любимо. До Летнего сада, пусть и изменившегося, но все равно такого знакомого. До Невского проспекта, где можно было устроиться в маленьком кафе и хоть ночь напролет созерцать кипящую жизнь города. А еще тут под рукой был ее любимый Эрмитаж, который, сколько в него ни ходи, всегда дарил Инге новые сюрпризы.

И конечно, любимым занятием Инги стало посещение вернисажей и выставок. В общем, новая жизнь оказалась ничуть не хуже прежней, юношеской, студенческой. А кое в чем еще даже и лучше. Ведь теперь Инга обзавелась кое-каким житейским опытом и финансами. Да и с жильем было полегче, чем в юности. Все-таки отдельное жилье у нее имелось. Муж Инге оставил квартиру. А еще одну квартиру, доставшуюся ей от бабушки, она сдавала. Тридцать тысяч рублей – не бог весть какие большие деньги, но Инге их вполне хватало.

Двести-триста рублей – вход в музей или на выставку. Еще двести – чашка кофе и легкий салат. Сто на дорогу. Итого оставалось еще пятьсот, которые можно было потратить на что угодно и, опять же, не надо было отчитываться в своих тратах. И к тому же муж, восприняв европейский уклад жизни, регулярно высылал ей небольшие денежные суммы – своего рода

алименты. Вещь для нашего общества совершенно невероятная, служившая причиной черной зависти всех знакомых Инги.

– Мой-то Петька как ушел, так и с концами. Еще кое-каких вещей после его ухода недо- считалась.

– Вот и мой тоже. Вроде бы приличный мужик был, а как до развода дошло дело, телик упер. И еще наглость имел заявить, что совместно нажитое в браке имущество делится при разводе поровну. Мне он, дескать, стиральную машину оставил. А то, что и стиралку, и телик мы на деньги моих родителей покупали, об этом он забыл!

– А мой и вовсе серебряные ложки с собой прихватил. И твердил, что ложки – это его мамы. У них дома такой же комплект был. И поди докажи, что ложки эти мне моя мама подарила!

И уже хором подруги заканчивали:

– Счастливая ты, Инга! И за что только тебе такое счастье?

Но самым главным в новой жизни Инги были даже не благоприятные житейские и финансовые условия, в которых она обитала. А возможность тратить все эти блага на себя саму, как угодно, когда угодно и с кем угодно. Вот что было самым важным в этой новой для Инги жизни. Свобода!

Драгоценное чувство, которое ей не довелось испытать в замужестве. Тогда она была крепко и прочно «за мужем». Муж ей попался авторитарный, чужого мнения не приемлющий. То есть все решения в семье принимал он, а с Ингой иной раз даже не советовался. В порядке личной инициативы муж ставил Ингу в известность о принятом им решении. Но это была чистая любезность с его стороны. Мог и не сказать, и не проинформировать. Как уже говорилось, все в семье Инги решали мужчины – муж и сын.

– И меня это порядком достало. Я любила мужа и все ему прощала. И я до сих пор люблю Юрку. Но если бы кто знал, как же мне хорошо без них! Я словно вновь дышу полной грудью.

– Это заметно. Ты так похорошела, просто светишься.

Подруги не скрывали своей зависти. Одна лишь Сонюшка, верная милая Сонюшка, обняла Ингу и прошептала ей на ухо:

– Если бы ты знала, как я рада, что ты совсем не переживаешь ваш с Димкой развод.

– Было время, но теперь все просто замечательно.

– Может, Дима еще к тебе и вернется.

– А вот этого не надо. Я и сама не хочу его возврата.

– Но ведь он твой муж. А теперь у него, возможно, другая женщина.

– Что значит «возможно»? Она у него совершенно точно есть! Но дважды в одну реку не войдешь. Муж остался в прошлом. А я тут... в настоящем.

Сонюшка хотела что-то еще добавить, но ее, милую, тихую и робкую, быстро затиснули другие приятельницы, твердившие стройным хором:

– И все-таки ты, Инга, удивительная. Другие бабы после развода в петлю лезут, а ты просто цветешь и пахнешь!

Инга и сама знала, что одиночество пошло ей на пользу. Она расцвела, хотя питалась теперь очень скромно. Утром чашка чая, в обед овощной супчик и салатик, потом бутербродик с ржаным хлебом, салатом, огурчиком и ломтиком ветчины. Сверху еще можно было пристроить помидорку, а хлеб пропитать майонезом. При такой экономии весь бюджет Инги можно было употребить на развлечения. Ведь вечером ее организм вполне довольствовался кефиром с молодой зеленью, которая в избытке росла у нее в квартире на широком и прочном старинном подоконнике в любое время года.

Летом зелень даже не приходилось подсвечивать, ей вполне хватало того солнышка, которое светило в стекла большого окна. Зимой здорово выручала энергосберегающая лампа, которая служила Инге верой и правдой вот уже который год и пока что портиться не собиралась. В

ее свете хорошо росли и петрушка, и укроп, и лук. Даже привередливый базилик и кориандр исправно тянулись вверх.

Так что Инга была обеспечена всем необходимым для счастья. Маленький огородик радовал ее одним своим присутствием. Ну и конечно, сорвать свежую зеленую травинку было тоже приятно. И, наверное, потому, что в жизни Инги наконец воцарилась гармония, она и была очень и очень счастлива.

Единственное, чего ей не всегда хватало, так это компании для ее прогулок по городу. Подруги, как на зло, были заняты детьми, хозяйством, мужьями, а зачастую уже и внуками. Инга была бы не против повозиться с маленьким существом, только она что-то сомневалась, что сын женится на русской, да еще тут, в России. Английская невестка представлялась Инге холодной, чопорной и высокомерной дамой, которая будет воспитывать своих чад по строгой системе какого-нибудь продвинутого педагога, с точностью выполняя все его садистские предписания и не давая ребенку вспомнить о том, что он еще ребенок.

Но время шло, Инга обзавелась новыми подругами. Те, что прежде ходили у нее просто в приятельницах, узнав о ее «холостяцком» статусе, внезапно воспылали к Инге рьяной симпатией.

– Инга, золотко, пойдем с нами сегодня вечером в кафе!

– Посидим, поболтаем. А после кафе завернем в бар или в клуб!

По вечерам выпить стаканчик в обществе подруг совсем не грех. Но взамен Инга требовала от своей компании любви к искусству.

– Но тогда завтра идем на выставку античной керамики, – говорила она.

– Инга, золотко, но у нас же у всех работа! Давай на выходных!

Вот интересно, на клуб у них время находилось и в будние дни, а вот для выставки не было ни единой свободной минуты. На выходные образовывался какой-то более интересный ее подругам проект. И Инга частенько шла на выставку одна. Ее это не сильно смущало. К тому же она знала, что одну выставку, проходящую в городе, ее подруги не пропустят ни за что в жизни.

Это была ювелирная выставка, которая проходила на двух аренах. Либо в двух шагах от дома Инги в выставочном зале Манежа, либо на широкой площадке гавани в «Ленэкспо».

Как ни странно, Инга больше любила шумную озабоченность пестрого людского потока в павильонах «Ленэкспо», чем сосредоточенное созерцание, присущее зданию бывшего Конногвардейского полка. Сюда ходили только подлинные эстеты. Но само здание было тесным для простора фантазий Инги. Тут все было строго и по-классически скупое. А этой скупости в выражении чувств женщине хватало и дома. Она жила в доме, выстроенном как раз в классическом стиле. Выйдя в свет, ей хотелось веяния свежего воздуха, каких-то внезапных порывов. Здание, выстроенное архитектором Кваренги, к этому не располагало. Оно было слишком консервативным, чтобы впустить в себя всю энергетику золотого металла и драгоценных камней.

Но долгожданный день ювелирного раздолья в «Ленэкспо» приближался. На сей раз Инге не пришлось долго уговаривать своих подруг. Все «девчонки» дружно согласились пойти вместе с ней. Мысленно Инга уже потирала руки, она не сомневалась, им будет очень весело.

Все вместе они очень приятно проведут время. Увидят цвет ювелирного сообщества, массу шикарных драгоценностей. Обязательно купят себе на память о выставке какие-нибудь вещицы. И не столь важно, будут ли это серьги с брильянтами, янтарная чашечка, оправленная в серебро, или даже совсем простенькая фигурка, вырезанная из малахита. В любом случае вещь будет радовать свою новую владелицу.

– Давно мечтаю о новом колечке, – делилась Инга с подругами. – Хочу с огненным топазом, такая красота – глаз не оторвать! И еще браслетик. Видела в прошлом году. Вместо звеньев вырезанные из натуральных камней цветочки, в серединке у каждого цветка видны золотые тычинки, и брильянтовая сердцевинка тоже имеется.

- И много там золота?
- Нет, золота на изделия пошло совсем немного, – растерялась Инга.
- И смысл покупать такое?
- Там основной упор делался на красоту самого изделия. На его эксклюзивность.
- И сколько стоил такой браслетик?
- В прошлом году просили около двух тысяч долларов. Сейчас, наверное, еще дороже.
- Что же ты не купила?
- Денег лишних не было.

В прошлом году Инга еще жила с сыном. И, парадоксальным образом, тогда муж высылал им меньше денег, чем теперь одной Инге.

– В том году денег не было, а в этом вдруг появились? На работу устроилась? Или на алименты мужа рассчитываешь? Так он тебе всего пару сотен фунтов стерлингов и шлет. На них не разгуляешься на выставке.

Инга загадочно улыбалась в ответ. Ей не хотелось рассказывать о том, что помимо алиментов бывший муж регулярно делал ей еще и крупные денежные подарки. Зачем он ей дарил по тысяче фунтов на каждый ее день рождения и Рождество, Инга так до конца и не разобралась. То ли муж поступал так в благодарность за бескровный развод, то ли за то, что она разрешила Юрке ехать к отцу и жить с ним, то ли еще почему...

Но Инге это было и не важно. Гораздо важнее для нее было то, что она могла потратить эти деньги на что угодно. Могла поехать на курорт, что она делала неоднократно. А могла купить себе понравившийся браслетик. Или серьги. Или даже браслетик и серьги, если удастся сторговать их у продавца.

Так с предвкушением грядущего праздника Инга и заснула. На ее губах еще долго играла счастливая улыбка. Даже во сне Инга видела блеск золота и драгоценных камней, заключенных в сверкающие витрины. Видела обходительных продавцов и суровых охранников, призванных стоять на страже порядка в месте, где одновременно скапливались просто несметные сокровища.

Если бы Инга только могла предполагать, что готовит ей день завтрашний, она бы так не улыбалась. Наоборот, заплакала, а после заперлась на замок и выключила бы все телефоны. А после просидела бы весь день дома, а для надежности и вовсе бы не высунула носа на улицу вплоть до самого окончания выставки. Потому что ноги у всего того плохого и даже ужасного, что вскоре должно было случиться с Ингой, как раз и росли с выставки...

Вот уже четвертый час ошеломленная окружающими ее богатствами Инга бродила по выставке. Она растеряла всех своих подруг, кроме верной Сонюшки. Та ходила следом за ней как хвостик. Отдалялась от Инги максимум на пару метров.

Верная милая Сонюшка, такая бледненькая и незаметненькая, что на нее никогда не обращали внимания – ни кавалеры, ни подруги, ни даже собственные родители. Замуж ее за все четыре десятка лет никто не позвал. Родители у нее давно умерли. Подруги вспоминали о Соне лишь в тот момент, когда им было от нее что-то нужно. Одна Инга возилась с Сонюшкой, сама не зная, зачем ей эта дружба нужна. Но не бросала. Вот и на эту выставку она взяла с собой Сонюшку, потому что та попросилась.

Сама Соня ничего себе не купила, а вот Инга уже приобрела и браслетик, который восхитил ее изящной ажурной работой и который ей отдали с тридцатипроцентной скидкой, потому что ведь выставка! Она также купила себе серьги с изумительно чистыми розовыми топазами. И длинное ожерелье из майолики, прекрасно имитирующее натуральный жемчуг, который Инге был не по карману.

Бедная Соня лишь однажды отошла от Инги, приценившись к очень похожему ожерелью. Но обратно она вернулась с перекошенным лицом, что Ингу удивило. Ее ожерелье стоило лишь

полторы тысячи рублей, но выглядело потрясающе. Оно доходило ей до ног, его можно было завязать узлом на уровне пупка, можно было дважды или даже трижды обернуть его вокруг шеи. А можно было сделать из тысячи бусин множество других таких же прекрасных вещей.

В общем, Инга была довольна и не скрывала этого. От избытка чувств она даже купила Соне чудесные бусы из лазурита, в которых блондинка Сонечка казалась ярче. Но Соня поблагодарила ее за лазурит как-то вяло. И все не отводила глаз от бус из майолики, которые Инга уже повесила себе на шею. Инга даже подумала, а не подарить ли их Соне, раз уж они ей так понравились. Но потом передумала – бусы шли ей самой. С ее новым джемпером из кашемира цвета семги бусы смотрелись просто волшебным.

– Может быть, кофе? – предложила Инга, когда почувствовала, что ноги у нее не просто гудят и ноют, а прямо-таки отваливаются.

Соня вяло кивнула. Она вообще была какая-то безрадостная. На те вещи, которые показывала ей Инга, подруга по большей части кривилась. Инге казалось, что кривится Соня не от вида изделий, а от ценников, которые были к ним прикреплены.

– Мы еще тут долго пробудем?

В голосе Сони слышалось не раздражение, а какое-то другое чувство. И Инга не сразу ответила, пытаясь проанализировать, что это такое.

Кафе нашлось довольно быстро. Соня сама привела туда Ингу, заметив нужный указатель. Кафе располагалось в цоколе, тут было тихо и прохладно. Везде стояли пластмассовые столики и кадки с пальмами, шустрый юноша варил изумительный кофе в кофемашине.

И тут, усевшись за столик, Инга наконец ответила Соне:

– Ты – не знаю. А я пробуду тут до самого закрытия!

– Вся выставку намерена скупить?

В голосе Сони прозвучал непривычный сарказм, и Инга удивленно посмотрела на подругу. Но ссориться ей не хотелось, и она вежливо ответила:

– Нет, вся выставка мне точно не по карману.

– А то бы скупила? – продолжала подтрунивать над ней Соня, улыбаясь как-то уж совсем зло.

– Ну... нет.

– И откуда у тебя такие деньжищи? Любовника-миллионера себе завела?

– Нет. Муж в подарок прислал.

– Муж?

Соня буквально посерела. Она смотрела на Ингу, и та невольно подумала, до чего же ее подруга все-таки похожа на крысу. Такое же острое личико, маленькие глазки и какая-то неприятная привычка все время как будто что-то жевать, даже если во рту ничего нет. От десерта, который Инга поглотила, упиваясь его вкусом, Соня отказалась. Она согласилась лишь на чашку кофе, которую купила ей Инга.

– Муж? – повторила Соня, явно безмерно пораженная услышанным. – Так вы же... Вы же с ним развелись!

– Ну и что? Мы ведь прожили пятнадцать лет вместе. У нас сын. Почему же отец моего сына не может сделать мне дорогой подарок?

– Он же тебе алименты платит.

– Алименты – это одно. А подарок – это другое.

– Но за что подарок-то? – недоумевала Соня. – Вы ведь даже вместе не живете!

– Вот уже семь лет.

– И он все равно делает тебе дорогие подарки?

– Как видишь. А что ты так разволновалась? Это ведь нередко случается, когда люди сохраняют хорошие отношения даже после развода.

Но Соня не захотела продолжать беседу.

– Я сейчас! – вскочила она на ноги. – Подожди секунду!

И с этими словами она кинулась прочь. Какое-то время Инга просидела с открытым ртом, ошеломленно глядя вслед своей подруги. Куда это она? И почему так быстро? Неужели обиделась? Но на что? Затем ее взгляд уперся в стену, на которой красовалась жирная стрелка и две не менее жирные буквы «W M», и Инга рассмеялась. Какая же она глупая! Увиденные две латинские буквы вызвали у нее невольный вздох облегчения и способность вновь радоваться сегодняшнему дню.

Ничего Соня не обиделась и не расстроилась. У подруги прихватило живот, вот она и умчалась, даже не извинившись перед Ингой. Милая и деликатная Сонюшка, наверное, она долго терпела боль в животе. И пока Инга порхала от одного прилавка к другому, ее подруга,двигающаяся следом, испытывала настоящие страдания.

– Сонюшка, милая! – восхитилась Инга. – Кто бы мог подумать? И ведь ни словом не обмолвилась, что ей некомфортно. Какая тактичная! Не хотела портить мне удовольствие. Видела, что я наслаждаюсь, вот и страдала молча.

Инга ощутила в груди нечто вроде восхищения. Да таких подруг еще поискать! Другие только и думают, что о себе. А вот Сонюшка не такая. Надо будет ей еще какую-нибудь милую вещицу подарить. Может быть, даже жемчуг? Да, именно его. Инга видела, что Соне очень понравились бусы. Она заслуживает, чтобы Инга их ей отдала.

Набравшись терпения, Инга минут десять-пятнадцать просидела довольно спокойно. Заказала себе еще одну чашку удивительно ароматного кофе, который с удовольствием и выпила. Но затем ее стало смутно тревожить отсутствие Сони:

– Где она? Что она там делает? Куда провалилась?

А потом на смену пришло настоящее беспокойство:

– А вдруг ей плохо?

Решив, что точно не разминется с Соней, Инга пошла в направлении, указанном стрелкой. Вскоре она очутилась в чистенькой туалетной комнате. Двери всех кабинок были закрыты.

– Соня, – подала голос Инга. – Ты здесь?

Ответом ей была тишина. Но если Соне плохо, если она потеряла сознание, ответа было ждать глупо. Ломиться или заглядывать в кабинки Инга не стала. Она тихо-смирно постояла в уголке, делая вид, что моет руки. А сама через плечо поглядывала на входивших и выходивших из кабинок женщин. Кабинок было всего четыре. И вскоре все они освободились и наполнились по второму разу.

Инга была в недоумении. Может быть, каким-то непостижимым образом они с Соней все-таки разминулись? А вдруг сейчас подруга уже ждет ее в кафе? Позвонить ей? Инга вытащила свой телефон, на который она только полчаса назад купила наклейку из чистого золота. Картинка была выполнена в виде орхидеи и прекрасно смотрелась на темно-малиновом пластике. Увы, картинка не помогла делу. Прием здесь был плохой. А едва Инга попыталась набрать номер Сони, как сеть вовсе пропала.

Звонок был невозможен.

– Ну ладно... – растерянно пробормотала она и замолчала.

В принципе ничего катастрофического не случилось. Но почему-то в душу вновь закралось какое-то недоброе предчувствие. Оно сегодня уже несколько раз неприятно цепляло ее за сердце. Руки у женщины становились противно холодными и влажными, дыхание прерывалось, сердце начинало стучать чуть ли не в ушах. Но Инга гнала от себя дурные предчувствия, предпочитая списывать их на предстоящую перемену погоды.

Но предчувствие надвигающейся беды никуда не делось. Вот и сейчас женщина почувствовала, как похолодели кончики пальцев, а по спине пробежала противная дрожь.

– Да что это со мной? Кофе я обпилась, что ли?

И решив, что ни за что не позволит каким-то глупым ощущениям взять власть над ней, Инга решительно двинулась обратно в кафе. Она поднялась на несколько ступеней, плавно обогнула какой-то выступ, а затем, толкнув дверь, вышла... на улицу!

Некоторое время Инга недоуменно вертела головой. Откуда тут взялась улица? Она ведь шла в кафе, почему же очутилась снаружи? Видимо, перепутала дверь. Ну да, в кафе нужно было направо, а она прошла прямо.

– Заблудилась все-таки! В трех соснах заблудилась! – хихикнула сама над собой Инга.

Настроение у нее вновь повысилось. Сейчас она наберет номер Сони, они поговорят, недоразумение выяснится, и они вновь встретятся. Но пока Инга со звонком медлила. Ей внезапно расхотелось возвращаться на выставку. Там было хоть и занимательно, но довольно душно. А на улице было, напротив, очень приятно.

Погода стояла поистине чудесная. Был тот редкий для питерской зимы денек, когда с неба пусть и тускло, но все же светило солнышко. Сверху ничего не сыпалось: ни снега, ни дождика. Да и ветра тоже не было. Наоборот, было тихо и очень-очень хорошо.

Накинув на плечи шубку из невесомой шиншиллы, Инга решила, что немного постоит на свежем воздухе. Никуда Соня не денется. Тем более что сама виновата, нечего было убежать неведомо куда, ничего не сказав подруге, с которой пришла в кафе. Инга была немного обижена странным поведением Сони. Что за секреты от лучшей подруги? Могла бы и признаться, что заболела, а не таскаться с кислым видом. Хорошо, что Инга такая умная и чуткая, сама все поняла. А если бы на ее месте был более толстокожий человек? Беда с такими вот слабохарактерными и мягкими людьми. Ничему их жизнь не учит! Какой Сонюшка была мямлей в детстве, такой и осталась. Прямо зло берет, до чего она добрая и мягкая! Любой ее может пнуть, а она и руки в свою защиту не поднимет.

– Пожалуй, я сейчас ей еще и гадостей наговорю. А ведь она совсем не виновата – она такая, какая есть.

И Инга решила, что лучше постоит тут на солнышке, расслабитесь. Прежде чем вновь идти внутрь и приниматься за поиски обиженной невесты чем Сони, надо набраться душевного спокойствия.

Но пока Инга наслаждалась ультрафиолетом, внезапно за ее спиной раздался звук открываемой двери и шаги. Затем мужской голос, кашлянув, деликатно осведомился:

– Вы не подскажете, как можно завоевать сердце такой красавицы?

Не подозревая, что слова обращены к ней самой, Инга все же повернула голову в ту сторону, откуда слышался голос. Интересно ведь все-таки, кто в наши дни еще трудится, завоевывая сердца красавиц? Большинство мужчин интересуют куда более прагматичные вещи. Наверное, та девушка удивительно красива. Так красива, как Инга не была даже в своей молодости.

Но, обернувшись, Инга не обнаружила рядом с собой никакой красавицы. Собственно говоря, возле нее стоял лишь один человек – высокого роста широкоплечий мужчина с удивительно гладким лицом. Инга невольно подумала: чтобы так блеснуть, щеки должны быть выбриты не больше чем час-два назад. Еще она отметила, что мужчина одет в темный деловой костюм, а на его груди висит бейджик.

К сожалению, что именно там написано, Инга не разобрала. Но она сразу же подумала, что мужчина принадлежит к многочисленной когорте создателей и организаторов выставки. Ну или в крайнем случае он ее участник, один из представителей крупных ювелирных объединений – сам за прилавком не стоит, для этого есть служащие рангом пониже.

А мужчина неожиданно улыбнулся и подмигнул Инге:

– Так что? Вы не против?

– Не против чего?

И тут наконец до Инги дошло, что никакой другой «красавицы» тут нету, мужчина имел в виду ее.

– Вы хотите со мной познакомиться? – выпалила Инга и тут же залилась краской.

Ну надо же ляпнуть такую глупость! Но мужчина ничуть не рассердился, а наоборот, вроде даже обрадовался.

– Как приятно иметь дело с откровенным человеком! Если бы вы только знали, как я устал от человеческого вранья и хорошо завуалированного предательства. Увы, многие считают, что в бизнесе только так и можно преуспеть. Но я считаю, что свои дела следует вести честно. Только так можно заработать себе хорошую репутацию, которая потом сама начнет работать на тебя. Как, по-вашему, я прав?

– Честность всегда лучше лжи, – машинально втянулась в разговор Инга. – Я тоже не люблю лгунов.

– Я так и думал! У вас такое хорошее лицо, открытый взгляд. Сразу видно, что вы замечательный человек.

– Вы меня совсем захвалили. Откуда вам знать правду обо мне? Первое впечатление бывает обманчиво.

– А я вот думаю иначе. Уверен, первое впечатление всегда самое сильное. Если человек с первого взгляда тебе уже активно не нравится, вряд ли потом ты его полюбишь. Мой опыт подсказывает, что именно такие люди как раз и могут подставить и обмануть. А вот когда я увидел вас, то испытал совсем иное чувство. Вы стояли вся такая сияющая в солнечных лучах, такая безмятежная. Извините меня за навязчивость, я просто не мог не заговорить с вами.

– Что теперь извиняться? – усмехнулась Инга. – Вы ведь все равно уже заговорили со мной.

– Вы пришли на выставку одна?

– Вообще-то с подругами, но они все куда-то потерялись.

– Такое часто бывает, – сокрушенно покачал головой мужчина. – Магия золота и драгоценных камней способна вскружить голову самому здравомыслящему человеку. Что уж там говорить про слабых женщин! Кстати, раз уж мы с вами разговорились, позвольте представиться: меня зовут Кирилл.

Инга не совсем поняла его пассаж про «слабых женщин», но все же представилась тоже:

– Инга.

– Удивительное имя! Если не ошибаюсь, в переводе оно означает «снежная» или «ледяная»?

– Не ошибаетесь.

– Вам это имя очень подходит.

Интерес Инги к этому мужчине возрос многократно. Он не только богат, но еще и начитан, образован и неплохо воспитан. Хоть и подошел к ней сам, но без конца извиняется за это. Да и держится любезно. Этот мужчина был Инге, бесспорно, интересен. Как минимум интересен. Она бы с удовольствием поговорила с ним еще. Несложно было объяснить, что заставило Ингу считать этого мужчину ровней себе.

– Скажите, Инга, а вы не хотели бы пройтись со мной по выставке?

– В принципе, я этим как раз и занималась. На улице оказалась случайно.

И Инга рассказала о том, как перепутала двери и вышла на улицу вместо того, чтобы идти к подруге.

– Мы найдем вашу подругу вместе! Мне нужно отдать несколько распоряжений, а потом я буду весь к вашим услугам.

– Вы хотите искать Соню вместе со мной?

– Если на то будет ваша охота.

Разумеется, Соню они не нашли. Да и как бы они нашли ее в этой густой толпе, когда возле каждого прилавка клубилась целая туча народа? Инга несколько раз звонила подруге на телефон, но Соня не брала трубку. Видимо, она просто не слышала звонка.

Бродя по выставке, женщина невольно обратила внимание, что многие знают Кирилла, здороваются с ним. Кирилл даже показал Инге стенд своей компании, объяснив, что как раз сейчас там идет рекламная акция. Возле указанного стенда и впрямь кривлялся какой-то тип в костюме и шляпе со звездами, изображающий то ли звездочета, то ли средневекового алхимика. Он предлагал всем желающим поучаствовать в импровизированном представлении: сварить в дымящейся колбе золото из свинца, затем еще и самостоятельно определить пробу золота в получившемся изделии, а потом – каратность драгоценного камня.

Было невозможно представить себе солидно одетого Кирилла рядом с этим паяцем. И поэтому Инга ничуть не огорчилась, когда Кирилл предложил подойти к стенду попозже.

– Но чтобы оставить у вас приятное воспоминание о выставке, я хочу сделать вам подарок!

– Ну что вы! Не надо! – смутилась Инга.

– Нет, я настаиваю. Красивая женщина нуждается в дорогих подарках. Вот, возьмите.

И Кирилл протянул Инге красную бархатную коробочку. Полагая, что внутри находится какой-нибудь недорогой сувенир, Инга ее открыла. И тут же из груди невольно вырвался возглас восторга: на черном атласе расположилось самое прекрасное из всех когда-либо виденных Ингой колец!

Оно было выполненного в форме морской раковины из белого металла. А в сердцевине раковины красовался темно-синий камень, размером примерно с ноготь большого пальца Инги. Камень был довольно велик. И ювелиру пришлось постараться, чтобы лишить изделие тяжеловесности.

Но все равно кольцо закрыло почти всю фалангу, сев точно на средний палец правой руки.

– Какая красота! – совершенно искренне восхитилась Инга, чувствуя, что влюбилась в это украшение с первого взгляда.

Кирилл искренне обрадовался:

– Вам нравится?

– О, даже очень!

– Оно ваше! Только женщина вроде вас может обладать танзанитом.

– Танзанит?

– Камень, который вы видите, – редкий минерал. Его добывают только в одном месте – в Танзании. Отсюда и его название.

Про танзанит Инга слышала впервые. Искренне полагая его какой-то разновидностью кварца, пусть и безумно красивой, но все равно недорогой, Инга от души поблагодарила Кирилла за подаренное ей украшение. Небось, белый металл – это какой-то сплав, устойчивый к коррозии и окислению. Бижутерия, конечно. Но все равно кольцо безумно красиво, и оно, как никакое другое, подходит ей.

– Огромное вам спасибо. Кольцо мне нравится невероятно.

И чтобы подчеркнуть свои слова делом, Инга вытащила кольцо из коробочки и надела его на палец. Кирилл выглядел потрясенным.

– Оно вам так идет!

Незаметно они добрались до конца выставочного павильона. И Кирилл, взглянув на часы, воскликнул:

– Ну надо же! Как поздно!

– Да-да, у меня тоже дела, – спохватилась Инга.

Но Кирилл ее удивил. Он мягко взял ее за руку и произнес:

– У меня нет никаких дел! Никаких, кроме одного – поужинать с вами! Вы мне не откажете?

У Инги уже давно сосало под ложечкой. Но все же она сочла нужным напомнить спутнику:

– А... а как же ваша фирма?

Инга уже успела прочесть то, что было написано на бейджике Кирилла: «Охолупко Кирилл. Генеральный представитель ЗАО «Афина Паллада». Это же название красовалось на стенде, к которому они хотели подойти.

– У вас ведь, наверное, есть еще дела на выставке...

Но Кирилл лишь небрежно отмахнулся:

– Выставка скоро закрывается. Присматривать за упаковкой нераспроданных коллекций будут другие люди. Моя миссия завершена. Я доволен работой и приглашаю вас отметить это в ресторане.

Инга кивнула. Кирилл просиял. На стоянке их ждала машина с шофером, который, еще издали увидев Кирилла, услужливо выскочил и распахнул перед хозяином и его спутницей дверцу:

– Добрый вечер, Кирилл Владимирович. Куда изволите ехать?

– Ужинать, Виталий.

– В «Рэдиссон»?

– Надоела мне тамошняя помпезность, – поморщился Кирилл. – Хочется чего-то уютного и скромного.

– Тогда «Астория»?

Шофер хорошо знал предпочтения шефа. И Кирилл снисходительно кивнул:

– Пожалуй. Инга, как вам это предложение?

– Не уверена, что я одета подобающим для такого места образом.

Разумеется, Кирилл тут же галантно и пылко заявил, что Инга будет хороша в любом наряде. Но Инге все равно казалось, что она будет себя чувствовать неловко, зная, что и макияж у нее уже не в лучшем состоянии, да и сама она порядком устала.

– Тогда на ваш вкус.

– Знаю одно маленькое кафе. Может, внешне оно и не дотягивает даже до двух звезд, но поваром там работает одна моя знакомая. И кормят там просто восхитительно.

– Что же, – весело согласился Кирилл. – Я чужой в вашем городе. Ничего тут не знаю. Поэтому командование парадом поручается вам, Инга!

Женщина счастливо улыбнулась. Положа руку на сердце, она обожала немножко покомандовать. О, нет, ничего серьезного, исключительно по мелочи. Но бывший муж предпочитал все и всегда решать сам. Он обладал авторитарным характером и не терпел возражений. Поэтому Инге приходилось молча принимать его решения либо же вступать в схватку. Драться она не любила, поэтому по истечении нескольких лет брака оказалась полностью подмятой под властную пяту мужа.

Но это все осталось в прошлом. И сейчас Инга была рада встретить человека, который, пусть хоть в мелочах, признавал ее право на лидерство.

Глава 2

На самом деле кафе принадлежало не просто знакомой Инги. Это она слегка слукавила, не желая выдавать Кириллу все свои семейные тайны. Управляла делами в этом кафе родная сестра бывшего мужа Инги, ее золовка – Вера. Несмотря на развод с Дмитрием, отношения между женщинами были самыми теплыми. Развод Инги с ее братом Вера приняла близко к сердцу. Но винила во всем случившемся именно его – брата.

– Уехал! Умотал неизвестно куда! – возмущалась она. – Тут ему денег мало было! Бизнес он поехал налаживать! Бизнес-то наладил, да только тебя потерял!

– Я держусь, Вера.

– А ведь ты у нас такая красавица, умница, хозяйюшка всем на зависть, – не слушала ее Вера. – И чего только Димке дома не сиделось? Олух он!

Вера сама много раз предлагала Инге познакомиться ее с кем-нибудь. Вот только эти кто-нибудь неизменно оказывались выходцами из ближнего зарубежья, без прописки и жилья. А частенько и без образования, документов и прочих немаловажных вещей. Порой, что и без зубов. Да ладно бы только это. Но нет, один был с отвратительным смрадом изо рта, второй к каждому слову прибавлял «пардоньте», третий работал грузчиком в порту, зарабатывал очень прилично и поэтому искренне считал, что безработная Инга должна ему в рот глядеть и каждое слово человека с семью классами сельской школы воспринимать как истину в самой последней инстанции.

– Ну а что же я могу поделывать? – разводила руками Вера. – Других холостяков, готовых хоть завтра в ЗАГС, на наш с тобой век не осталось. Сама за таким замужем. И ничего, живем!

Инга молчала. О замужестве Веры у нее было свое отдельное мнение, во многом не совпадавшее с мнением самой новобрачной. Вера всегда отличалась хлебосольным характером, ее ничуть не смущало, что уже через год в ее трешке стало буквально не повернуться от обилия родственников мужа, приехавших к ним в гости или по делам. Веру такое обилие людей, внезапно поселившихся у нее в доме, ничуть не тяготило. Но Инга так бы не смогла. Она это знала совершенно точно.

Она не была общительна. И любой посторонний человек, вторгшийся на ее территорию, настораживал Ингу. Впрочем, Руслан, замуж за которого вышла Вера, был человеком неплохим. Пусть маленький, кривоногий и прыщавый, но он закончил консерваторию в Ташкенте и имел диплом музыканта. И только ужасная экономическая ситуация в его регионе заставила Руслана забыть о музыке и вспомнить о своем хобби – кулинарии.

Теперь он работал у Веры в кафе, занимал должность шеф-повара. И готовил поистине изумительный узбекский плов, манты, ловко рубил свежайшее мясо для татарского бифштекса и умел даже простую яичницу превратить в настоящий шедевр.

– Главное – никогда не экономить на здоровье посетителя, – делился он с Ингой своими соображениями. – Продукты надо брать самые лучшие. Не смотреть на цену, сэкономленная десятка не вернет вам посетителя, разочаровавшегося в вашей кухне. Надо делать свое дело хорошо или не делать его вовсе.

В тот момент, когда Кирилл шагнул внутрь кафе, Вера была как раз в зале. И когда она увидела Ингу, шествующую под руку со светловолосым шикарным красавцем, глаза у Веры расширились до размера десертных мисочек от йогуртового пудинга.

– Инга... Это ты? Привет! Вот уж не ожидала тебя увидеть. Рада, очень рада. А чего не позвонила? Я бы уж расстаралась к твоему приходу.

При этом Вера беззастенчиво обшаривала глазами Кирилла. И наконец не выдержала, провожая гостей к столику, тихонько потянула Ингу за локоть и еще тише спросила у нее:

– А кто это с тобой? Где взяла?

– Где взяла, там нету.

– Ну, ты смотри... поосторожнее с ним.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, я, конечно, могу ошибаться. Только, сдаётся мне, что это птица высокого полета.

– Кирилл – генеральный представитель итальянского ювелирного дома. Его фирма имеет офис и несколько магазинов в Москве.

– Вот-вот... Не чета тебе!

– Ну, знаешь...

– И потом, – не слушая ее, продолжала Вера, – все эти генеральные... Знаешь, ты не обижайся, ты у нас дама интересная во всех отношениях, воспитанная, начитанная. Только мужикам ведь этого не надо!

– А что им надо?

– Молодость, – серьезно ответила Вера. – Таким, как этот Кирилл, ухоженным и богатым, подавай молоденьких свиристелок. На баб старше себя они и не поглядят. А ты... ты ведь старше меня года на три?

– На полтора.

Инга начала всерьез злиться. Она подумала, что зря решила навеститься к Вере с Кириллом. Только настроение себе испортила. Забыла, до чего упряма ее золовка. Если уж вбила себе в голову, что никто, кроме нищего без работы, прописки и образования, на Ингу в ее теперешнем положении не позарится, значит, так и будет думать. И ведь даже явление Кирилла ее не переубедило! А Инга в глубине души надеялась, что сегодняшний день станет для нее своего рода триумфом над Верой, пытавшейся прежде сосватать ей таких никудышных женихов.

Но нет, пока что получалось наоборот. Противная Вера вместо того, чтобы устыдиться и извиниться, и тут умудрилась испортить ей настроение. Да и вообще, несмотря на сладкие речи, на которые золовка была большая мастерица, сколько Инга помнила, в Верином присутствии у нее всегда портилось настроение.

Однако все прошло, стоило Инге присоединиться опять к Кириллу, который терпеливо ожидал ее за столом.

– Что-то случилось? Вы выглядите расстроенной.

– Нет-нет, ничего. Все в порядке. Просто я немного устала.

– Я тоже притомился, – признался Кирилл. – Любое скопление народа вызывает во мне смешанные чувства. С одной стороны, воодушевление, а с другой – от меня требуется полная мобилизация сил и всех моих возможностей. Сейчас я бы с удовольствием побывал на природе.

– Я – тоже! – воскликнула Инга.

– Жаль, что еще не сошел снег. Впрочем, снег не помеха. Как насчет небольшой загородной экскурсии?

– Куда?

Инга заранее решила: если Кирилл пригласит ее куда-нибудь в загородный коттедж своих друзей или другое уединенное место, она ни за что не поедет. Конечно, Кирилл ей нравится. Но осторожность тоже, знаете ли, никто не отменял. Да и не комильфо отправляться в гости к мужчине, толком не познакомившись с ним. Так могут поступать только те самые молоденькие девчонки, о которых твердила ей Вера. Но Инга – замужняя дама. И пусть замужество ее осталось в прошлом, но цену она себе знает.

Однако Кирилл ее не разочаровал.

– Я думаю, что подойдет Царское Село или Пушкин.

– Мне одинаково нравятся оба этих дворцовых парка, – с облегчением произнесла Инга.

Она взглянула на Кирилла с прежней симпатией. Все-таки какой чуткий и понимающий мужчина! И хорошо воспитан. Знает, куда следует приглашать даму на втором свидании, а куда нет.

Кирилл просиял ответной улыбкой и произнес:

– Вот и чудесно. Значит, договорились. Завтра едем в Пушкин.

– А как же ваша работа?

– Полагаю, мое начальство закроет глаза на мой прогул, – шутливо подмигнул он. – А если уж совсем честно, то начальство далеко в Италии. Оно и не узнает ни о чем.

– Вот как. Ну, если хозяева не узнают, тогда почему бы и не прогулять?

Инга тоже засмеялась. Пусть видит, что она ценит и понимает шутки.

Кирилл между тем продолжал:

– А я сам считаю, что ударным трудом заслужил себе небольшую передышку. Хотя бы пару выходных дней. На выставке мне удалось найти несколько потенциальных партнеров. Думаю, что для них мое предложение тоже небезынтересно. Так что со следующей недели я буду очень и очень занят. Но перед этим не мешает немного отдохнуть.

– Вам придется вернуться в Москву?

– О нет. Я буду занят в вашем городе. И более того, думаю, что именно мне предстоит возглавить весь будущий Северо-Западный филиал. Если в Москве бизнес давно налажен и катится по своим рельсам, то ваш город для нашей фирмы – это невспаханная целина.

У Инги от открывающихся перед ее мысленным взором перспектив даже, как говорится, в зобу дыханье сперло. Если Кирилл останется в Питере надолго, то они могли бы продолжить знакомство. Это будет не просто краткосрочный роман, а долгие и глубокие отношения. К этому все и идет.

Но тут им наконец принесли аперитивы. Кириллу – бокал красного вина, а Инге – бокал сухого мартини, которое она торопливо глотнула. От вырисовывающихся перспектив в отношении Кирилла в горле у нее пересохло. И она с воодушевлением восприняла весть о том, что следом за аперитивом будут поданы закуски.

Закуски были обильны и многочисленны. Истекающие ореховым маслом рулетики из баклажанов с грецким орехом, пряными травами и чесночком. Свежая зелень благоухала и выглядела так, словно ее только что сорвали с грядки, сунули под струю проточной родниковой воды, а затем сразу же подали на стол. Горячий грузинский лаваш. Хрустящие огурчики. Сладкие помидоры. И наконец, хачапури – пирог из дрожжевого или любого другого теста с сыром.

Нигде больше Инге не доводилось пробовать такой вкуснятины. В обычном понимании граждан хачапури – это тесто с небольшим добавлением сыра. Но Руслан готовил просто потрясающее блюдо. Куски были пышные, они насчитывали не меньше десяти слоев теста, которое, в свою очередь, было слоеное. И каждый новый слой был обильно пересыпан своим сортом сыра.

К такой закуске требовалось либо пиво, либо опять же вино.

– Есть домашнее, – призналась Вера. – Привезли его контрабандой. Поэтому продаем только своим клиентам. Попробуете?

Домашнее вино, поданное в кувшине, оказалось необыкновенно ароматным. В нем чувствовался вкус свежего винограда, оно было в меру сухим, но в то же время легким и пилося словно вода. Забывшись, Инга выдула целый кувшин, совсем не подумав о последствиях. А они не замедлили сказаться, едва Инга попыталась встать на ноги.

До того ей казалось, что она совершенно трезва. Ну просто как стеклышко. Развязавшийся вдруг язык, проснувшееся красноречие и громкий смех Инга приписывала влиянию Кирилла, который ей очень и очень нравился. Но поднявшись, она вдруг поняла, что стены качаются вокруг нее, пол ходит ходуном у нее под ногами и вообще мир кажется каким-то расплывчатым вовсе не из-за Кирилла, а из-за выпитого ею вина.

Но рядом оказалась твердая рука ее спутника. Он провел Ингу по кафе, доставил до выхода и заботливо прислонил к стеночке, пока вызывал шофера. Дальнейшее Инге помнилось с трудом. Кажется, они еще катались с Кириллом по городу. Кажется, они даже останавливались и обнимались у Медного Всадника. Кажется, на спуске к замерзшей Неве Кирилл

поскользнулся на ступенях и Инга долго со смехом ловила и тянула его назад. В Неву Кирилл не свалился, зато вдвоем они рухнули в очень кстати подвернувшийся сугроб. Каким-то чудом он еще сохранился в холодной тени гранита. И спас парочку от серьезных увечий.

Утром Инга проснулась со страшной головной болью и ощущением того, что она провела вчерашний вечер не совсем так, как следовало бы порядочной женщине.

– Проклятое вино, – простонала Инга и потащила в ванную комнату.

Оттуда она вышла немного посвежевшей, но все равно мрачной и страдающей. Недра холодильника порадовали ее бутылочкой пива, которое осталось еще от Юрки. Да здравствуют продукты длительного срока хранения! Этикетка на пиве уведомляла, что оно годно еще как минимум два месяца. Может быть, похмеляться пивом – это и неправильно, но не успела Инга сделать один глоток, как ей немедленно полегло.

– Уф! – произнесла она, чувствуя, что с этим глотком в ней просыпается какая-то новая личность.

И она – эта личность – начинала хорошо понимать мужа, который в воскресное утро всегда полировал свое вчерашнее похмелье двумя бутылочками пива, а после них дрых на кровати до обеда. Лишь во второй половине воскресного дня Дмитрий становился адекватным человеком. Тогда они ехали на такси к свекрови, где обязательно презентовали ей букет белых или алых роз. Других цветов свекровь не терпела. И если, не приведи бог, ей дарили букеты, где в составе присутствовали лилии, она безжалостно выдергивала все лепестки или просто ломала нелюбимые цветы:

– У меня от их аромата болит голова! Сознание могу потерять!

Инга едва сама не потеряла сознание, увидев, как ее шикарные лилии отправляются напрямиком в мусоропровод. А ведь тогда, желая понравиться свекрови, она отдала за этот букет всю свою студенческую стипендию! И не пахли они ничуть. Лилии были гибридные, их аромат был едва слышен. Да и сам Димка мог бы подсказать, что его матери эти цветы неприятны. Ведь он стоял рядом с цветочным киоском, когда Инга делала свой выбор. Но нет, молчал, словно воды в рот набрал. И сейчас тоже молчал, словно ничего страшного не произошло.

Уже тогда Инге следовало бы задуматься, стоит ли связывать свою жизнь с мужчиной, мать которого столь явно ее не любит. С мужчиной, который умудрился подставить ее буквально в первые же дни знакомства. Но Инга была молода, она была наивна и полагала, что сумеет добиться любви или хотя бы уважения женщины, родившей на свет такого замечательного человека, как Дмитрий.

Но все последующие годы лишь усугубляли пропасть разногласий между Ингой и ее свекровью. К концу обе яростно ненавидели друг друга, как только могут ненавидеть друг друга люди, живущие в разных домах. Инга сдвигаясь поздравляла свекровь с Днем матери. А та цедила сквозь зубы слова поздравлений нелюбимой невестке к Восьмому марта.

– Ох, и чего я сейчас-то о ней вспомнила? – простонала Инга, вновь схватившись за голову. – Эта мегера ушла из моей жизни вместе с Димой и Юрой.

И, подумав, Инга присовокупила:

– Есть же справедливость на свете. Не все так плохо, как иной раз кажется.

А мысли о свекрови полезли в голову Инги потому, что она вчера виделась с Верой. Иной раз Вера так сильно напоминала Инге ее «маму в законе», что выть хотелось. Но сегодня Инга не собиралась думать об бывших родственниках. Сегодня она была готова принять будущее. Сегодня Инге предстоял замечательный день.

Кирилл, как и обещал, позвонил ей ровно в полдень. Он горел желанием вновь увидеть Ингу. И с тревогой поинтересовался:

– Вы ведь не забыли о нашем вчерашнем уговоре?

– Я никогда и ничего не забываю!

– О да! Но вы ведь не передумали насчет нашей поездки в Пушкин? Машина подана. Мы ждем вас у дверей.

– Кто это – вы? – насторожилась Инга.

– Я и водитель. Стоим и ждем.

– Как? – поразилась Инга. – Уже?

– Шучу. Заеду за вами через час. Прекрасно понимаю: такой красивой женщине нужно время на сборы.

Как приятно иметь дело с галантным мужчиной! Муж Инги всегда в таких случаях вопил на нее: «Чего ты вечно возишься? Перед кем там выпендриваться? Кому ты, кроме меня, вообще нужна, лахудра великосветская?»

Сегодня мысли о прошлом так и лезли Инге в голову. Но вспомнив невольно о муже, Инга подумала о сыне. Давно уже не получала от Юрки никаких весточек. И, подойдя к компьютеру, Инга проверила свою почту. Так и есть, ни одного письма от мужа или сына... В последнее время сын стал совсем чужим. Отдельвался ничего не значащими общими фразами. А иной раз так и вовсе прерывал беседу на полуслове, торопясь на какую-то важную для него встречу.

Написав сыну, что беспокоится о нем, потому что он все еще ее сын, Инга быстро свернула страничку с почтой. Но выходить из Сети не торопилась. Внезапно ей стало любопытно почитать информацию о камне танзаните. Кирилл говорил, что он редкий. Что это значит? Редкий и дорогой? Или редкий, но никому не нужный?

Кольцо лежало отдельно от других украшений, приобретенных Ингой на выставке. В конце концов, это был подарок, и с ним далеко не все было однозначно.

Инга поднесла кольцо поближе к глазам, включила настольную лампу и не без удивления обнаружила на гладкой внутренней поверхности кольца пробу. Изящная, выполненная лазером, она заключала в себе всего три цифры.

– Девятьсот пятьдесят, – пробормотала себе под нос Инга. – Что же это за проба?

Интернет охотно и быстро дал ей ответ на этот вопрос. И потрясенная женщина вновь уставилась на кольцо. Только теперь она смотрела на него совсем другими глазами. Белый металл, который она вчера приняла за простое железо, в лучшем случае – с добавлением в него цинка или алюминия, сегодня порадовал ее невероятным открытием. Это была платина! А этот металл был даже дороже золота.

И тут же в голове у женщины закономерно возник другой вопрос – не менее важный. Что за камень вставили в столь дорогую оправу? Если вчера Инга сочла синий камушек недорогим кварцем, попросту говоря, стекляшкой, то сегодня она уже не была столь в этом уверена.

– Стекляшку платиной оправлять не станут!

К счастью, Кирилл объяснил Инге, что кольцо является изделием его фирмы. Так что «любопытной Варваре» не пришлось долго рыскать в Интернете. Она быстро нашла сайт ювелирного дома «Афина Паллада». И, войдя в представленный каталог изделий, увидела свое кольцо. Цена, располагавшаяся тут же, буквально ошеломила Ингу.

– Пять с половиной тысяч долларов! – ахнула женщина. – Он что... обалдел?

Эта грубоватое словечко было совсем не характерно для нее. Но слишком велико было ее удивление, чтобы она могла смолчать.

– Дарить такое... Или я чего-то не понимаю?

Мысли заметались в голове у Инги. Что же за кольцо презентовал ей вчера Кирилл? Неужели он считает, что она достойна столь дорогого подарка? Женщина отлично знала, что просто так мужчины направо и налево тысячи долларов не швыряют. И если Кирилл сделал такой дорогой подарок, значит, он рассчитывает на нечто большее, чем несколько коротких свиданий. На нечто гораздо, гораздо большее.

От всех этих мыслей Инга пришла в совершенное замешательство. Она тупо таращилась то на свое кольцо, то на его фотографию в компьютере. И лишь затем догадалась прочесть

несколько фраз, которые размещались рядом с фотографией. Из них она узнала, что ее кольцо было выполнено известным итальянским дизайнером, на заказ. И было представлено всего в одном экземпляре.

Кроме того, на сайте появилась отметка, что кольцо уже снято с продажи. И последнее ее как раз не удивило. За всеми этими приятными хлопотами Инга не успела собраться. И когда Кирилл позвонил ей снизу, была все в том же растрепанном виде, что и час назад.

Она выпросила себе еще несколько минут, которые растянулись у нее на целую четверть часа. Женщина никак не могла решить, что же лучше ей надеть к тому замечательному кольцу, которое, конечно же, станет главным акцентом сегодняшнего дня. Так что же ей надеть? Костюм с юбкой и жакетом из неотбеленной верблюжьей шерсти? Или брючный костюм из самой обычной полушерстянки, но зато с интересной блузкой?

В результате Инга остановилась на верблюжке. А по приезде в Пушкин поняла, что поступила правильно. Если в городе уже чувствовалась весна, то за городом еще царствовала зима. И в таких условиях верблюжья шерсть показала себя с лучшей стороны. Инга совсем не замерзла, хотя у самого Кирилла, одетого в легкие брюки и такие же легкие ботинки, нос и щеки покраснели, а потом и посинели довольно быстро. Тем не менее гуляли они долго. После вернулись в город, зашли в какое-то первое показавшееся им симпатичным кафе, плотно закусили горячей солянкой, а Кирилл – так и свиной котлеткой, а после отправились еще и в Мариинку.

Там давали «Баядерку» – балет, который Инга не видела много лет. Ее муж не был поклонником большого искусства. Если он и выбирался из дома, то предпочитал боевики или, того хуже, ужастики. На балет Инга вывела супруга лишь однажды, а после не получалось. Дмитрий категорически отказывался от этого вида развлечений.

– Хочешь – иди одна, – отвечал он на все предложения Инги посетить тот или иной театр. – Буду только рад провести вечер без тебя, в свое удовольствие.

В свое удовольствие – это перед телевизором с бутылочкой пива. Для успешного бизнесамена отдыхал Дима удивительно примитивно. Да и весь он был какой-то такой... примитивный.

В отличие от мужа, новый знакомый Инги не захрапел в самом начале действия, замечания отпускал вполголоса и вполне уместные. Места приобрел в партере. Взял бинокль. Одним словом, продемонстрировал все признаки хорошего воспитания.

Инга не удержалась и спросила:

– Кирилл, а кто же ваши родители?

– Они были археологами, – быстро ответил спутник. – Сотрудничали с вашим Этнографическим музеем. Много ездили в экспедиции. Были в свое время известными учеными.

– Они еще живы?

– К сожалению, нет. Во время одной из своих археологических экспедиций они пропали в горах Алтая.

– Когда это было?

– Десять лет назад.

– Так они были еще совсем молодые!

Внезапно не слишком многословный Кирилл разговорился.

– Вы задели мое больное место. Я страшно не хотел, чтобы родители отправлялись в эту экспедицию. Сердце чувствовало, что они из нее не вернуться.

– Но что же с ними приключилось?

– Никто не знает. Родители отправились в экспедицию на поиски шаманских атрибутов. Предполагалось, что старые шаманы сами отдадут бубны, посохи, пояса и головные уборы моему отцу. Но на деле все обернулось иначе.

– А почему шаманы должны были отдать свои регалии вашему отцу?

– Он был сыном главного шамана всего Алтая.

Инга с уважением взглянула на Кирилла. Однако иметь такого отца – это уже немалая заслуга. Но Кирилл, разговорившись, продолжал дальше:

– Мой родитель был из семьи известных заклинателей духов. К его отцу, моему деду, шли люди со всех сторон. И к прадеду тоже. И к прапрадеду. Но отец, выучившись на археолога, заявил, что должен донести шаманскую правду до всего остального мира. Вся его дальнейшая жизнь была посвящена этому делу. С этим условием он и отправился в свою последнюю экспедицию. Он заручился согласием своих двоюродных братьев и сестер, которые приняли посох и бубен старого шамана из рук деда Кирилла, чтобы они не препятствовали его экспедиции. Родня вроде бы согласилась, что артефакты должны быть изучены научным сообществом. Но, к сожалению, из своей последней экспедиции отец не вернулся. Мама тоже осталась где-то там с ним, в далеких снегах Алтая.

– Кто же воспитывал вас?

– К счастью, я был уже достаточно взрослым. Закончил геологический факультет университета, а затем пошел работать в ювелирную отрасль. Меня всегда привлекали камни – самоцветы. Что может быть увлекательней, чем искать и забирать у природы то, что она прячет в своих недрах?

– Только наши геологи иной раз забывают спросить согласия самой природы, – сказала Инга. – Я видела, по телевизору показывали, как ведется рудная добыча золота. Недра просто испещряются сотнями и тысячами тоннелей. Да и добыча золота из рек и озер с помощью драг ничуть не лучше. И гидравлический метод, когда гора сначала разрушается под действием ударной направленной силы воды, а затем разбивается этой же водяной пушкой на мелкие камешки и даже песок, мне не кажется таким уж аккуратным.

– Иначе добыть нынче драгоценную руду или камни из земли просто невозможно.

– Тогда, возможно, следует приостановить добычу? Мы жадные и слепые, вгрызаемся на многие сотни метров в землю-матушку, разве она не вправе воспротивиться нам – своим неразумным детям?

Как показалось Инге, кавалер взглянул на нее с уважением и даже некоторой долей опаски. Инга встревожилась. Мужчины не любят женщин, которые рассуждают. Но Кирилл был не из таких, он быстро согласился с Ингой:

– Так и есть, вы правы. Мои родители думали точно так же. Их экспедиция должна была стать началом сотрудничества шаманов Алтая и ученых. Шаманы брались выманить на поверхность особо рудоносные жилы, а ученые должны были эти жилы зафиксировать и начать разработку. Но что-то пошло у них нескладно. Во время последнего разговора родители сказали мне, что они отправляются в предгорья Алтая, ближе к Новосибирску. Я пытался найти их, наводил справки, но увы...

После рассказа о пропавших без вести родителях Кирилл отвез Ингу домой.

На следующий день они вновь встретились. На сей раз он был без машины и водителя. Но так было даже лучше. Вдвоем они гуляли по городу. Зашли в кафе. И там парочка перешла к обсуждению множества других вещей. Проговорили они до самого вечера. Инга даже не заметила, как проглотила весьма второсортный салат «Мясной», в котором картошка, деревянный горошек и майонез существенно превалировали над жестким говяжьим мясом. На горячее в кафе были лишь жареные сардельки, в которых чувствовалось не мясо, а одна лишь соя с солью. Но влюбленные внимания не обратили на вкус пищи. Они лишь выпили по большому бокалу пива, потому что без пива проглотить указанную снедь было просто невозможно.

– Фу, – произнес Кирилл, когда они вышли из кафе. – Откровенно говоря, худшей стряпни мне пробовать не приходилось.

И тогда Инга произнесла фразу, которая перевернула всю ее жизнь на много лет вперед. Впрочем, в тот момент ей казалось, что ничего ужасного она не говорит.

Она всего лишь робко предложила:

– А что... А что, если нам поужинать у меня дома?

Кирилл явно обрадовался:

– Обожаю домашнюю еду! Нет, в ресторанах иной раз кормят очень вкусно и изысканно, но в домашней пище есть что-то такое, чего даже в самом уютном заведении не встретишь.

– У меня есть солянка и котлеты.

Солянку Инга сварила два дня назад, но ведь солянку время только красит. На третий день она куда вкуснее, чем в первый.

– Лимон, сметану и свежую зелень можно купить по дороге, – продолжала идти навстречу своей погибели Инга.

– Тогда с меня мясо и вино! – вызвался Кирилл. – Люблю жарить мясо. И, взглянув на часы, озабоченно произнес: – Нам с вами надо поспешить. В шесть торговля заканчивается.

Инга рассмеялась. Из какого времени вынырнул Кирилл? В городе есть множество супер-маркетов, где торговля не затихает ни на минуту. Но оказалось, что он спешил на рынок. Там он купил свежайшую свиную шейку и по просьбе Инги немножко ребрышек. Инга не слишком любила мясо, но отказаться от аппетитной, истекающей жиром косточки все же не могла.

– Любите кости? – улыбнулся Кирилл. – Тогда в вас есть что-то от первобытной дикарки.

Он держался легко и непринужденно. Совсем не так чувствовала себя Инга. Ее буквально колотило при мысли, что уже через час привлекательный мужчина перешагнет порог ее квартиры. Но Кирилл все покупал и покупал продукты, не забывая консультироваться с ней.

Домашняя сметана, целый пакет фруктов, орешки, огромный букет свежей зелени, куда помимо петрушки, укропа и кинзы вошли руккола, салат, шпинат и зеленый лук. Напоследок Инге с Кириллом удалось прихватить горячий хлеб, только что вынутый из печи. Обсыпанный маком и кунжутом, он пах до того упоительно, что от его аромата буквально кружилась голова.

Инга устала считать, сколько раз Кирилл расстегивал кошелек, вытаскивая оттуда одну голубенькую бумажку за другой. Иногда им на смену приходили красненькие денежки, тогда Инга и сама краснела. Хотя она была взрослой самостоятельной женщиной, она так и не привыкла к тому, что кто-то тратится на нее, да еще делает это так весело. Муж обычно отдавал ей деньги на хозяйство, и на этом его участие в делах бытовых заканчивалось.

– И нам еще надо купить вина, – сказал Кирилл напоследок. – Предлагаю поехать за ним в то кафе, которое содержит ваша подруга.

– К Вере?

– Как думаете, она нам его продаст на вынос?

– Ну конечно!

Вера вино продала охотно:

– Сама его вам вынесу!

Но вынеся вино, она успела ухватить Ингу за руку и прошептать:

– Как он тебе?

– Сегодня ночью я это выясню, – пообещала ей Инга и совершенно по-дурацки захихикала.

Кириллу дома у Инги все понравилось. Он так и сказал:

– Тут просто очаровательно. Сразу чувствуется, что здесь живет красивая и умная женщина.

– Кирилл, прекратите делать мне комплименты на каждом шагу! Вы меня смущаете.

– А сказать вам, что смущает меня?

– И что же?

– Давайте прекратим уже говорить друг другу «вы».

– Сама хотела вам предложить это!

– Тебе.

– Ах да, тебе... Кирилл.

Прозвучавшее словечко показалось Инге до того интимным, что она невольно покраснела. Ей вообще было не по себе. Если прочитанное в дамских романах верно, то после ужина у них с Кириллом должно произойти нечто такое, о чем даже вслух говорить страшно. У Инги был весьма небогатый опыт общения с мужчинами. Собственно говоря, кроме мужа, она вообще никогда и ни с кем не общалась. И теперь Инга судорожно пыталась понять, хочет она или не хочет, чтобы ее опыт расширился.

Чтобы немного прийти в чувство, Инга быстро приняла душ, пока Кирилл орудовал на ее кухне. Она пребывала в сильном смущении. И, стоя под душем, все время пыталась понять, стоит ей спать с Кириллом прямо сегодня или подождать. Но когда чистая и благоухающая свежестью Инга вошла на кухню, там уже вовсю шкворчало мясо. А Кирилл ждал ее, такой смешной в переднике с огромными клубничинами.

– Я предлагаю выпить за нас. За тот удивительно счастливый случай, который свел нас в одно время и в одном месте. За тебя, Инга! За тебя, снежная королева Питера!

После двух бокалов вина, выпитых на брудершафт, Инга наконец решила, что Кирилл не просто мил – он мил чертовски. И, пожалуй, она его хочет... Да и просто из исследовательских целей стоит переспать с ним. У нее никогда не было любовника. И в конце концов, старость уже не за горами! Глупо будет умереть, так и не попробовав, что это за штука такая – любовник.

Сам Кирилл никаких попользований не делал. Болтал, пил вино, жарил мясо, одновременно мыл и резал свежие овощи. Инга проворно накрыла на стол. Разогрела ту самую солянку, посыпала каждую тарелку зеленью, добавила сметаны, оливок и по ломтику лимона. Ужин получился отменный. И неудивительно, что после всего съеденного, выпитого и целого дня на свежем воздухе ей захотелось спать.

Она изо всех сил боролась с одолевающей ее дремотой, пока не почувствовала, что веки у нее совсем смыкаются. А затем Инга ощутила, что падает со стула. И еще секунду спустя удивилась, почему же она не чувствует соприкосновения с полом. Она уже спит? Или кто-то бережно подхватил ее на руки и не дал упасть?

Голос Кирилла что-то говорил прямо у нее над ухом. Но Инга уже не разбирала слов. Она лишь отметила, до чего сексуальный у него голос. А затем провалилась в темную яму сна, так и не сообразив, отчего же ее так сильно разморило.

Утром Инга обнаружила себя в своей собственной кровати. Верхняя одежда была с нее снята, но обнаженной она не была. Все ее тело целомудренно, до самых пяток, прикрывала длинная трикотажная ночнушка. Эту ночнушку Инга не надевала ни разу в жизни. Она ей не нравилась, была совсем не в ее вкусе. Чтобы не обижать дарительницу – свою старенькую тетюшку, – женщина просто спрятала подарок на полку в шкафу и ни разу его оттуда не доставала. А теперь вот ночнушка почему-то оказалась на ней.

Инга недоуменно рассматривала свою одежду, пытаясь вспомнить, как она переодевалась вчера ко сну. Но у нее ничего не получалось. Последнее, что удалось вспомнить, было то, как она постыдно вырубилась прямо за столом, а Кирилл перенес ее в кровать.

– Кирилл! – спохватилась Инга. – Где же ты?

Она огляделась по сторонам. Мужчины нигде не было видно. Ушел? Но потом Инга перевела испуганный взгляд на топорщащееся рядом с ней одеяло. Под одеялом на половине бывшего мужа кто-то был. Там отчетливо вырисовывался большой бугор. А из-под одеяла торчали мужские пятки.

– Кирилл? – робко позвала Инга.

Ответа она не услышала. А взглянув на часы, поняла, что еще очень рано. Всего семь утра. Или вечера? Нет, вроде бы вчера они вернулись домой уже в восьмом часу. Так что часы

должны были показывать семь утра. Или все-таки вечера? Но тогда Инга должна была проспать почти сутки. Способна ли она на такое?..

Всеми этими малозначимыми вопросами женщина пыталась отвлечься от самой главной и основной мысли. Было у них с Кириллом что-то или не было? Вопрос был очень серьезный. Как уже говорилось, Инга имела опыт общения всего с одним мужчиной. И если уж быть совсем честной, ей очень хотелось попробовать еще кого-нибудь.

Но Кирилл явно спал, и Инга не решилась его будить только для того, чтобы удовлетворить свое любопытство. Вряд ли Кирилл воспользовался вчера ее состоянием. Нет, он не таков... Но она-то! Она! Как она могла так назюзиться, чтобы взять и заснуть, когда в доме гость? Да еще такой важный!

«Наверное, это свежий воздух так на меня подействовал», – подумала она.

Осторожно поднявшись с кровати и стараясь не потревожить спящего Кирилла, Инга прошла в ванну, где долго и со вкусом плескалась под струйками горячей воды. Из душа она вышла освеженной и повеселевшей. Еще ничего не потеряно! Кирилл остался ночевать у нее дома. Сейчас она его разбудит, и они предадутся радостям любовных утех. Она наконец-то поймет, что такое любовник. И покажет дулю Вере, которая, кроме Руслана, мужчин не имела.

Чтобы придать их свиданию необходимый романтизм, Инга переоделась в самое соблазнительное белье – шелковое с вышивкой. Накинула сверху легкий, почти прозрачный голубой халатик, взяла поднос с приготовленным кофе (надо же было себя как-то реабилитировать после вчерашнего) и двинулась к Кириллу.

– Доброе утро, – ласково произнесла Инга. – Вы уже проснулись?

Кирилл не ответил. Правильно, вчера они договорились, что будут на «ты». И, переведя дух, Инга проговорила уже более решительно:

– Кирилл! Ты проснулся?

Но он и тут ничего не ответил. Женщина прислушалась. Ни храпа, ни громкого сопенья, которое могло бы выдать спящего мужчину, слышно не было... Да и тело под одеялом было каким-то неприятным на ощупь.

– Кирилл... ты... вы обиделись на меня?

Снова ни звука. В душу Инги стала закрадываться тревога. Может быть, она вела себя вчера настолько неподобающе, что Кирилл с ней и разговаривать теперь не хочет? Но тогда зачем он остался у нее дома, да еще улегся в ее кровать? Если уж она была так невозможна, передел бы ее – да и шел себе дальше! Дверь можно было захлопнуть и снаружи.

– Кирилл, я совершенно не помню, что произошло вчера. Простите, если я вас ненароком обидела или как-то задела ваши чувства. Я не хотела! – И, сложив руки на груди, Инга еще раз торжественно возвестила: – Честное благородное слово, не хотела!

Но даже после этого Кирилл продолжал хранить молчание. Постепенно Ингу стало охватывать возмущение. Страх уступил место раздражению, а потом и гневу. Что он из себя воображает? Ну, не было у них вчера секса, так ведь ни о чем таком они и не договаривались!

– Знаете, Кирилл, это уже переходит все границы!

И с этими словами женщина откинула с него одеяло. Некоторое время она молчала, пытаясь понять, не мерещится ли ей. Но затем увиденное показалось до того ужасным, что из ее груди вырвался громкий крик:

– А-а-а-а! Помогите! А-а-ай!

И было от чего заорать! Все чудесное сатиновое белоснежное постельное белье Инги теперь оказалось заляпано уродливыми бурыми пятнами. И самым ужасным было то, что пятна эти были... кровью – свернувшейся и даже уже засохшей, но все же кровью! И кровь эта взялась не откуда-то из неизвестного источника, она вытекла из Кирилла. Из множества ран, которые покрывали все его загорелое, тщательно ухоженное, красивое тело...

Глава 3

Инга и сама не могла сказать, сколько именно она просидела возле мертвого тела Кирилла, не сводя с него широко раскрытых глаз, не в силах поверить в то, что все это происходит именно с ней. Для верности она даже ущипнула себя за бок, но пронзившая ее боль ясно дала понять, что Инга больше не спит.

– Да что же это такое?! – вырвался у нее стон. – Как это могло случиться? Я ничего не помню!

На всякий случай она напрягла извилины, но лишь для того, чтобы с грустью убедиться в собственной амнезии.

Но худшее было еще впереди. Внезапно в прихожей раздались чьи-то шаги и мужские голоса. А еще через минуту в комнате перед обомлевшей женщиной появились трое мужчин. Один был в форме – их участковый, а двое других были Инге не знакомы. Но судя по репликам, которыми эти двое обменялись с участковым Татаринцевым, они хорошо его знали. Наверное, тоже были из полиции.

– Как же так, гражданка Каплун? – обратился к Инге участковый. – Что это у вас тут происходит? Соседи жалуются, что от вас слышны громкие крики.

– У меня... У меня... вот...

Инга посторонилась, чтобы полицейские могли увидеть тело Кирилла. Татаринцев оглядел расprostертое тело Кирилла, испещренное множеством ран, и присвистнул. Один из полицейских, помоложе, тоже шагнул к кровати, побледнел и пулей вылетел из комнаты. Второй был бледен и так, он не убежал, наверное, потому, что ноги его не слушались. Один лишь Татаринцев внешне выглядел невозмутимым.

– И как же это получилось? – поинтересовался он у Инги.

– Я... я не знаю.

– Не знаете?

– Нет, – помотала головой она. – Вечером я заснула, а утром обнаружила его...

– Имя потерпевшего вам известно?

– Кирилл.

– А фамилия?

– Охолупко. Генеральный представитель итальянской фирмы «Афина Паллада» в нашем городе.

– Уже лучше, – немного повеселел участковый.

– Лучше?

– Ни документов, ни мобильного аппарата мы среди вещей убитого мужчины не обнаружили. А так мы от вас хотя бы его имя узнали. Теперь у меня к вам другой вопрос. Как этот самый генеральный представитель оказался у вас в... м-м-м... у вас в квартире?

– Я его пригласила.

– С какой целью?

– Мы познакомились на ювелирной выставке. Понравились друг другу. Три дня провели вместе. И вчера вечером я решила, что мы достаточно выжидали и что можно пригласить его к себе домой.

– Зачем?

– Что вы глупые вопросы задаете? – вспыхнула Инга. – Будто бы не знаете, зачем мужчины к женщинам в гости приходят!

– Но у вас ведь есть муж. И сын... Вы семейная женщина!

– С мужем я давно в разводе. Сын улетел к отцу навсегда. Теперь я одинокая женщина со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами.

– Да, обстоятельств тут много вытекло... – откликнулся один из молодых ребят, который уже пришел в себя и как раз заканчивал осмотр тела Кирилла. – Убийство.

– Суицид или несчастный случай исключен?

– Сто процентов! Сам себя так ножиком не потыкаешь. И на несчастный случай тут тоже не тянет.

– Плохо, – поскучнел участковый.

Вид у него был такой виноватый, словно это он сам изувечил ножом Кирилла, а теперь пытается свалить вину на Ингу.

– Ну а сами-то вы что скажете?

– Я его не убивала!

– Допустим, – кивнул участковый вроде бы даже участливо. – А кто убил?

– Не знаю! Может, грабители? – И воодушевленная Инга продолжила свою мысль: – Ну да! Вы ведь трое вошли ко мне в квартиру без предупреждения. Не звонили, не стучали, ключей у вас нет. Значит, входная дверь была открыта?

Татаринцев взглянул на Ингу с интересом:

– Ну, допустим, дверь и в самом деле была открыта. Скажите, а в вашей квартире что-нибудь пропало?

– Что пропало?

Инга окинула взглядом комнату. Все крупные предметы, техника и несколько недорогих картин были на своих местах. Хорошенькие фарфоровые статуэтки, доставшиеся Инге еще от бабушки, тоже. И все же что-то смутно ее тревожило, пока она сканировала взглядом комнату. Все вещи были тут, но они стояли не совсем на своих местах. Их определенно трогали, перемещали, чтобы найти... что найти?

– Драгоценности! – ахнула Инга, хлопнув себя по лбу. – Они-то где?

Она подскочила к небольшому посеребренному четырехлистнику, который когда-то давно, еще в студенческие годы, купила «на счастье». На этом листке должны были лежать все ее недавние приобретения. Но там ничего не было! Ни ажурного браслета со сканью, ни серег с чудесными чистыми розовыми топазами. Ни фальшивого жемчужного ожерелья из майолики. И самое страшное – кольца с танзанитом там тоже не было!

Впрочем, сейф с деньгами и другими драгоценностями тронут не был. Может быть, грабитель его просто не заметил? Все-таки сейф был вмурован в стену и прикрыт сверху декоративной панелью. Если не знать, что там есть тайник, ни за что не найдешь.

– Ну, что обнаружили?

– Пропали драгоценности, которые я купила на выставке, – растерянно произнесла Инга. – Обычно я клала их сюда, в вазочку. Впрочем, возможно, что я их сама куда-то вчера в другое место засунула. Я не могу ничего вспомнить. Как выпила вчера вечером вина, так и все! Сплошная темнота. Как накрыло меня!

Участковый тяжело вздохнул и произнес:

– Гражданка Каплун, вам нужно будет одеться и проследовать с нами.

– Да, да, – пробормотала Инга. – Я понимаю. Вы хотите понять, как все произошло.

– Вот именно.

И по голосу участкового, очень ласковому и одновременно сочувственному, она поняла, что влипла очень и очень крупно.

Дальнейшие события запомнились ей плохо. Голова у нее до сих пор была словно в тумане. Инга с трудом отвечала на формальные вопросы, которые сначала задавал ей участковый, потом оперативники, а после и следователь, который, в отличие от участкового в форме и оперативников в свитерах и джинсах, был одет в деловой костюм, правда, уже порядком помятый, и без галстука.

Но даже деловой костюм на страже порядка не мог примирить Ингу с ужасной ситуацией, в которой она очутилась. И самое скверное заключалось в том, что женщина сама искренне хотела бы помочь следствию, но совершенно не представляла, как это сделать.

– Понимаете, когда я заснула, Кирилл был еще жив, – объясняла она по очереди участковому, оперативнику и следователю. – А когда проснулась, он был уже мертв. Я не знаю, что произошло. Не знаю, кто мог его убить!

– В квартире кроме вас кто-нибудь еще был?

– Нет. После отъезда мужа и сына в Англию я живу одна.

– Гости у вас тем вечером были?

– Мы с Кириллом в квартире находились вдвоем.

– Значит, это вы его и убили!

– Да с чего же мне его убивать? – развела руками Инга. – Он порядочный человек, красиво за мной ухаживал. Я пригласила его к себе домой, чтобы насладиться радостями любви с таким симпатичным мужчиной. Зачем мне было его убивать? Напротив, я должна была его всячески холить и лелеять.

Участковый посмотрел на нее при этом как-то странно. И к тому же сдавленно вздохнул. Но молодые оперативники наседали на Ингу с двух сторон:

– Возможно, он вас разочаровал в сексуальном плане?

– Оказался не так хорош в постели, как вы надеялись?

– Мне, молодые люди, не с чем особо сравнить, – сухо ответила Инга. – Мой муж – вот мой единственный опыт в этой сфере. Я пригласила Кирилла к себе не без задней мысли. Надеялась, что он подтянет меня по части этого отставания.

Но она видела, что мужчины ей не верят. Даже участковый Татаринцев, с которым Инга не раз пила чай у себя на кухне, ведя неспешные разговоры о возросшей детской преступности, разгуле коррупции в сфере ЖКХ и даже о продажности различных чиновников, отвел глаза. Он явно сомневался в ее невиновности.

Самое ужасное, что Инга и сама не могла с точностью утверждать, что не убивала Кирилла. А что, если это она его... ножом? Ведь она ничего не помнила из того, что произошло с ней после выпитой бутылки вина и съеденных свиных ребрышек.

Поэтому Инга ничуть не удивилась, когда ее проинформировали о том, что до выяснения всех обстоятельств этого дела она будет задержана.

– По истечении трех суток вам будет предъявлено обвинение.

– Я его не убивала... – пролепетала женщина и отправилась в камеру предварительного заключения.

Из этой камеры ее выводили еще два раза. И оба раза участковый присутствовал на допросе или встречался Инге на пути в кабинет для допроса. Он либо ничего не говорил, либо ронял короткие фразы:

– Не волнуйтесь. Все будет хорошо. Я уверен в вашей невиновности.

Но даже эти ничего не значащие, но обнадеживающие фразы заставляли сердце Инги биться быстрее. Она провела в отделении полиции почти сутки и совершенно пала духом. Из еды ей выдали пакет ванильных сухарей и два раза в день наливали чай. Впрочем, аппетита у нее не было никакого. А вода, которая текла из кранов в полицейском отделении, оказалась совсем неплоха на вкус. Инга пила чай и воду, а сухари так и вернула нетронутыми.

Мысли у нее были самые мрачные. И когда она уже начала готовиться к тому, что остаток дней ей придется провести за решеткой, ее вновь внезапно вызвали к следователю. Уверенная в том, что ей будет предъявлено обвинение в убийстве Кирилла, а потом ее отвезут в СИЗО, Инга на подгибающихся от слабости и страха ногах доплелась до кабинета и упала на стул прежде, чем ей было это дозволено.

Наверное, вид у нее был совершенно измученный, потому что даже голос следователя прозвучал не так резко, как прежде.

– Ну что? Припомнили что-нибудь в свое оправдание?

Женщина покачала головой. Нет, не припомнила. В голове по-прежнему был черный провал.

– Мы получили результаты ваших анализов. У вас в крови обнаружена приличная доза зепамы. Такая могла свалить с ног даже лошадь, а не только вас.

– Снотворное? – подняла голову Инга. – Но я не пью снотворное!

– Никогда?

– Нет.

– И дома его не держите?

– Нет. К тому же оно ведь должно продаваться по рецепту, не так ли?

– Так.

– А у меня никогда не было жалоб на сон. Рецептов я у врача не получала и, следовательно, лекарства не покупала.

– Значит, лекарство вы не принимали? – перебил ее следователь. – И вашему любовнику его не давали?

– Кому? Кириллу? Он не был моим любовником. Я ведь вам объясняла, что...

– Да, я все помню. Вы заснули прежде, чем между вами что-то произошло. Но вы теперь понимаете, что заснули вы не просто так? Вместе с вином вам была дана приличная доза снотворного. И скажу вам более того: такое же снотворное было обнаружено в крови вашего... знакомого. Судя по экспертизе содержимого его желудка, зепам мог быть выпит им также вместе с вином. У этого лекарства достаточно терпимый вкус. Растворенный же в вине, он был совсем не заметен.

Инга соображала медленно. С трудом до нее доходило то, что пытался втолковать ей следователь. И на всякий случай она уточнила то, до чего додумалась сама:

– Мы с Кириллом выпили вино, в котором было растворено снотворное?

– По всей видимости, да. Вы изящная женщина, поэтому заснули первой. Ваш гость был более крупный, на него снотворное подействовало медленнее. Вероятно, у него еще хватило сил, чтобы доставить вас до постели и лечь в кровать самому.

Теперь мысли Инги, получив долгожданную подпитку, хоть и медленно, но заработали. Она прекрасно помнила, что вино они с Кириллом взяли у Веры. У той самой золовки Веры, которая сначала так критически отнеслась к Кириллу. Однако Кирилл неприязненного отношения Веры к своей персоне не заметил. И он настоял на том, чтобы взять вино именно у нее.

Инга оставалась в машине, когда Кирилл забежал в кафе и переговорил с Верой. А потом Вера сама вынесла с заднего хода полуторалитровую бутылку с темно-красным, почти черным вином. Это вино они с Кириллом и пили, дожидаясь, пока поджарится мясо. Никакого другого вина они в тот вечер не употребляли. Выходит, именно в нем и содержалось снотворное?

– Где вы покупали вино?

– У...

Но Инга осеклась. Она не знала, с какой целью Вера подмешала в вино снотворное, но не хотела выдавать золовку. Как ни крути, а Вера всегда к ней неплохо относилась. Возможно, она и не знала, что в вине намешано помимо виноградного сока. Зачем же Инга будет кликать на голову золовки массу новых проблем? Вере и так достается от всей родни Руслана.

– В магазине мы вино купили.

– В каком?

– В «Меге». Это винный супермаркет в центре.

– Чек сохранился?

– Нет.

– Вино мы нашли перелитым в кувшин. Бутылки из-под него не обнаружили.

Пластиковую бутылку Инга сама запихнула в мусор, а Кирилл весь мусор отнес к мусоропроводу. Сам вызвался, чем в тот момент вызвал в Инге прилив теплых чувств. Ее собственный муж никогда до такого не опускался – мусор всегда выносила она.

С самого первого дня их совместной супружеской жизни мужем было постановлено, что мыть посуду, пол, стирать белье, готовить еду и вообще вести все домашнее хозяйство – это задача Инги. Она может работать, может не работать, но чистая рубашка и тарелка горячего мясного супа должны ждать ее мужа обязательно.

Женщина не роптала, потому что роптать все равно было бесполезно. К тому же муж зарабатывал достаточно, чтобы она могла не надрываться на службе. И в какой-то степени его требования были даже справедливы. Но все равно за годы супружества домашние обязанности порядком ее достали. И поэтому добровольный подвиг Кирилла был приятен не избалованной мужскими подвигами Инге вдвойне.

– Бутылка выброшена в мусоропровод.

– И чек последовал за ней?

– Да.

Следователь нахмурился. Он явно ей не верил. А она уже начала корить себя за утаенную от следователя правду. В конце концов, если Вера виновата, то пусть отвечает! И когда Инга уже почти решила изменить показания по поводу бутылки с вином, следователь неожиданно произнес:

– Можете побеседовать с вашим адвокатом.

– Моим... кем?

– Адвокатом.

– У меня есть адвокат?!

Инга помнила, что пыталась просить адвоката. Но ей было сказано, что на бесплатного защитника, которого ей предоставляет государство, она может рассчитывать лишь после предъявления ей обвинения. А до того пусть либо зовет своего собственного, либо сидит тихо. Никакого своего адвоката у Инги не было, поэтому она последовала совету и сидела тихо.

Защитник немало изумил Ингу. Он был высок, худощав и темноволос. Он напоминал ворона, еще не старого, но уже умудренного собственным житейским опытом и, что еще более важно, многовековой памятью предков.

– Блумберг! – представился он ей, причем его черные глаза буквально просканировали Ингу от кончиков ногтей до самых пяток. – Ваш адвокат.

– Но я...

– Знаю, вы меня не нанимали. Меня наняла ваша подруга.

– Какая подруга?

– У вас нету подруг?

– Есть, но...

– Я помогу вам. Уже сегодня, спустя полчаса, вы отправитесь к себе домой, где сможете принять ванну, выпить чашечку кофе или бокал шампанского.

– И что я должна буду сделать взамен?

– Подписать вот эти бумаги.

И адвокат сунул под нос Инге заранее подготовленные им бумаги. Женщина быстро пробежала глазами мелкие строчки. В принципе, ничего сверхъестественного ей подписать не предлагалось. Наоборот, все изложенное в бумагах четко соответствовало истине. Вот только изложено оно было таким образом, что по прочтении у всякого сложилось бы четкое впечатление: Инга – белый и невинный агнец. Ее оговорили, подставили, принудили. А даже если она и виновна, то нуждается в прощении и понимании. И еще, как сказал Блумберг, в чашечке кофе и бокале шампанского.

Подивившись про себя ловкости и красноречию своего адвоката, Инга быстро подмахнула все предложенные ей бумаги. Блумберг просиял, от чего его длинный крючковатый нос стал еще длиннее, а на лице появилось выражение какого-то иезуитского коварства.

– Пожалуйста, подождите меня тут.

Вернулся он назад спустя всего десять минут. С ним вместе был следователь, который объяснил женщине, что до выяснения всех обстоятельств она может покинуть отделение. Мерой пресечения является подписка о невыезде из страны. И если она вспомнит какие-то обстоятельства убийства господина Охолупко, то ей надлежит явиться в отделение и эти обстоятельства тут изложить.

– Для вас же будет лучше, потому что пока вы являетесь единственной подозреваемой по этому делу. Вольно или невольно, но вы стали причиной смерти вашего знакомого. Я буду обязан принять меры в случае, если вы попытаетесь покинуть пределы Российской Федерации.

Из всего вышесказанного Инга поняла лишь то, что сейчас ее отпускают. Но после суда могут вновь запереть в камере. И уже не на сутки, не на двое, а на гораздо более долгий срок. За убийство, совершенное с особой жестокостью, дадут немало.

Но пока она не могла пугаться столь далекой и туманной перспективы. Пока что она радовалась тому, что вновь видит небо у себя над головой, чувствует свежий воздух на лице и сможет прийти в себя, оказавшись в своей любимой квартирке.

Адвокат Блумберг проводил Ингу до ее квартиры, но в ответ на вежливое предложение войти отказался:

– Ну нет! Предыдущий ваш гость закончил очень печально. Я про вас еще не знаю всей правды. Не хотелось бы повторить судьбу своего предшественника.

И хотя сказано это было явно в шутку, нервы у Инги не выдержали. В камере она не рыдала, в кабинете следователя сидела словно окаменев. А тут не выдержала. Слезы буквально брызнули у нее из глаз, замочив безупречную свежую сорочку Блумберга. Напуганный произведенным его словами эффектом, адвокат быстро ретировался. А Инга, даже не спросив, кто же его все-таки нанял, повернулась к двери.

Она даже не посмотрела вслед адвокату, убегающему вниз по лестнице с завидной прытью. Все так же трясясь от рыданий, женщина поковыряла ключом замочную скважину, сорвала печати и оказалась в своей квартире.

Не обращая внимания на окружающий ее повсюду беспорядок и следы обыска, Инга протопала в спальню. Какое счастье, тело Кирилла забрали! И испачканное его кровью белье тоже. Из спальни Инга переключившись в ванную комнату. Тут она набрала полную ванну восхитительной горячей воды, от души сыпанула морской соли, пролежала целых два часа, постепенно отмокая, приходя в себя и пытаясь понять, что же ей делать и как теперь жить дальше.

К сожалению, чем дольше вдумывалась Инга в случившееся с ней, тем печальней и тяжелей становилось у нее на душе. По всему выходило, что просвета ей не видать. Если благодаря таинственному адвокату Блумбергу ее отпустили сегодня из участка, то не факт, что его заступничество окажет столь же волшебный эффект на судьбу.

– А если меня посадят? Что будет с Юркой? Мать – уголовница! Это может погубить все его будущее!

Муж Инги как раз добыл себе вид на жительство в Англии, чем страшно гордился. И теперь того же он хотел добиться и для Юры. А в будущем им обоим предстояло стать гражданами Великобритании. Нетрудно представить, через какую лупу будут рассматривать двух новых кандидатов. Ведь муж Инги не был ни политиком с карманами, набитыми наворованными у народа деньгами, ни мафиози, ни даже мусульманским беженцем, мечтающим осесть в благополучной стране.

Мысли Инги невольно скользнули в сторону. Пожалуй, записаться в такие беженцы лучше всего, подумала она. Ведь тогда можно еще вызвать к себе всю свою многочисленную

родню и жить всем вместе на пособие, которое заплатит добрая королева Англии. И можно ни фиги при этом не делать, а заниматься только тем, что поучать окружающих, как им жить следует, а как не следует.

– К таким бы чиновники из английского УФМС цепляться точно не стали. Плевать, что у гражданина в родне человек двадцать мужиков призывного возраста и все обучены владению оружием. Беженец ведь!

Но, увы, муж Инги был всего-навсего честным налогоплательщиком, а к таким всегда цепляются.

– Как же я их подведу, если сяду в тюрьму! Уголовное прошлое у близкой родственницы. Стыд и позор на всю семью! Нет, этого нельзя допустить!

Инга принялась шевелить мозгами. Так, сейчас она у следствия подозреваемая номер один, других попросту нету. А что изменится, если появится еще несколько подозреваемых? Ну хорошо, несколько – это уже она загнула. Но хотя бы один? Один-то может ведь появиться?

Но внутренний голос тут же возразил, что сами только прыщи на физиономии появляются. А для того чтобы найти себе замену, на которую можно было бы с чистой совестью взвалить обвинение в убийстве, Инге еще придется побегать. Без труда не выловишь и рыбку из пруда. А уж для того, чтобы восстановить свое доброе имя, и вовсе нужно горы свернуть.

Как ни странно, это простое умозаключение прибавило Инге бодрости. Она вымыла голову, выпила кофе и начала смотреть в будущее уже значительно оптимистичней. И когда раздался звонок в дверь, женщина почти весело поинтересовалась:

– Кто там?

– Открывай. Алена.

Аленой звали лучшую подругу Инги. Когда-то они дружили одной большой компанией девчонок-студенток. Но потом Алена вышла замуж за весьма обеспеченного человека, который все богател, богател и наконец разбогател до такой степени, когда богатство начинает буквально бросаться в глаза каждому встречному, и нужды выпендриваться дальше уже нет.

После этого муж оставил свой бизнес на помощников и управляющих, а сам засел у себя в усадьбе, где выстроил конный заводик, на котором поставил задачу: вывести новую российскую скаковую породу, призванную исправить удручающее отсутствие истинно русского племенного поголовья.

– У нас есть только орловцы и в какой-то мере ахалтекинцы. Нужна новая порода, да с такими данными, чтобы все остальные коннозаводчики позеленели от зависти.

Усадьба находилась неподалеку от старинного городка Суздаль. И время от времени Алена решала, что сельской идиллии с нее достаточно, и отправлялась куда-нибудь в большой мир на недельку, а лучше – на месяцок. За сохранность мужа Алена не волновалась. Муж был старше ее. Он давно перестал интересоваться женским полом, так что Алена уезжала с легким сердцем, прекрасно понимая: никакая соперница ей не страшна. Ее толстячок останется с женой до самого конца.

Иногда Алена отправлялась в Италию или колесила по Европе. Приходила охота – летела на курорт. Одним словом, наслаждалась жизнью на полную катушку. Но хотя бы раз в год она обязательно заглядывала к Инге в Питер. И увидев на пороге своей квартиры подругу, Инга мигом догадалась, кто подослал ей дорогого адвоката, у которого одно только имя тянуло на сотни две долларов.

– Аленка! – радостно взвизгнув, кинулась она на шею к подруге.

– Инга!

Женщины крепко обнялись. Затем Алена критически оглядела Ингу и заявила:

– А для арестантки ты удивительно хорошо выглядишь!

– Откуда ты узнала, что я в беде?

– Твои соседи живописали мне, как тебя уводили в наручниках, всю избитую и с узелком под мышкой.

– Никто меня не бил! – возмутилась Инга. – Обращались согласно процессуальному кодексу. Строго, но справедливо.

– Да? – изогнула соболиную бровь Алена. – Рада это слышать. Выходит, переименование в полицию помогло?

Инга не отвечала. Она просто любовалась своей лучшей подругой. Алена всегда была хороша собой. И годы красоты в ней ничуть не убавили. Но кроме красоты была в Алене еще какая-то скрытая сила, какая-то необъяснимая мощь, до поры томящаяся в глубине, непонятая и непознанная.

Не обращая внимания на взгляд подруги, Алена спросила:

– Кстати, зачем ты расстроила Блумберга?

– Я его не...

– Он вернулся от тебя весь несчастный. Звонил мне почти в слезах. Я его таким никогда не видела.

– И что он сказал?

– Велел мне немедленно ехать к тебе и морально поддержать. А от себя велел передать, что не верит в твою вину. И немедленно начинает готовить бумаги для суда.

– Ох, только не суд! – воскликнула Инга. – Страшно не хочу идти в суд!

– Не волнуйся. У Блумберга даже отъявленные рецидивисты выглядят сущими ангелами. Тяжелое детство, трудная юность, плюс дурная наследственность и врожденный дефект развития психики. И оп-ля! Судьи обливаются слезами умиления, отправляя убийцу не к стенке, а в больницу, где ему будет обеспечен надлежащий уход и лечение.

– Но то настоящие преступники! А я-то никого не убивала!

– Точно?

– Алена! – поразились Инга. – Как ты можешь такое спрашивать?

– Должна же я была убедиться. А то кто тебя знает – живешь одна, скучаешь... Сколько раз я тебя к себе звала! А ты все «нет» и «нет». Музеев, дескать, у нас нету. Да если б я Василию Петровичу сказала, что ты едешь, он бы за десять минут специально для тебя пяток музеев организовал. Музей народных промыслов, музей живой природы края, краеведческий музей. Ну... и еще чего-нибудь бы придумал. Ты же знаешь, как он тебя любит!

Муж Алены почему-то действительно всегда тепло и уважительно отзывался об Инге.

– И тебе хорошо, и людям добро бы сделала, – продолжала твердить свое Алена. – Для обслуживания музеев сотрудники бы понадобились. Бабушки, чтобы в залах за порядком присматривать, сторож на ночное время. Всякие там плотники, столяры, реставраторы. Видишь, сколько народу бы ошастливила?

– Как это?

– У нас в краю с рабочими местами очень плохо, – неожиданно охотно пояснила ей Алена. – Народ бедствует и по этой причине на Василия Петровича зуб точит.

– Почему?

– Так у моего Василия Петровича ломаного грошика не выклянчишь. Ну не любит человек просто так деньги раздавать. А если в виде заработной платы – это пожалуйста. Васютка уже и для коней своих корм только у местных покупает. Трактор им приобрел, чтобы землю пахали. Комбайн, чтобы овес и ячмень собирать. Сенокосилки. Но этого все равно мало – на всех работы все равно не хватает. А были бы музеи, были бы еще рабочие места. Видишь, сколько бед из-за твоего упрямства? И к нам ты не приехала, и тут в историю влипла.

Говоря без умолку, Алена оказалась на кухне, где проворно разгрузила принесенный с собой пакет с продуктами.

– Икра тебе сейчас позарез необходима. Шоколад – лучшая пища для мозга. Фрукты – жизненный тонус. Ну а вино...

– Не надо вина! – непроизвольно дернулась Инга и уже тише прибавила: – Пожалуйста, обойдемся без вина. Видеть его больше не могу. Ведь это из-за него все и случилось.

– Ну да? – не поверила ей Алена, но бутылку все же спрятала. – Тогда у меня еще водочка есть. Будешь? Под икорку?

Под икорку и горячий омлет с шампиньонами водочка пошла просто замечательно. Две подруги чокнулись за освобождение, выпили, закусили и снова выпили. На этот раз уже за полную и окончательную реабилитацию Инги.

– Значит, что мы имеем на сегодняшний день? Кто-то подсыпал в вино, которое вы пили с Кириллом, снотворное.

– Кто-то! – фыркнула Инга. – Верка и подсыпала!

– Или ее муж.

– Нет, это Вера. Я, пока в ванне сидела, вспомнила, что она мне недавно на бессонницу жаловалась. И еще сказала, что к врачу ходила и тот ей по благу отличное лекарство выписал: и недорогое, и помогает замечательно. Золовка всего полтаблеточки выпивает, а потом спит как убитая.

– Как убитая, – передернула Алена плечами. – Сравнение-то какое... Слушай, давай еще по рюмочке?

– А мы не сопьемся?

– Вряд ли. Мой Василий Петрович, бывает, по литру в день самогонки выпивает – и ничего. Бодр и весел. Так, и что с этой Верой? Надо к ней съездить и расспросить: какого фи́га она тебе такую подлянку устроила?

Инга пожала плечами:

– Не знаю. Мне всегда казалось, что Вера ко мне хорошо относится. Конечно, близкими душевными подругами мы не были, но все-таки...

– А мне она никогда не нравилась. И я тебе об этом всегда говорила! Хитрая и завистливая дрянь. Помнишь, каких она тебе кавалеров сватала? Разве что не с помойки!

– Ну, это ведь она не от вредности. Других просто не было.

– А мне кажется, что очень даже от вредности. Чтобы тебя еще больше унижить! Мол, никому ты, такая из себя гордая и прекрасная, не нужна. Небось, специально для тебя женихов как можно хуже подыскивала!

– Ладно, допустим, снотворное в вино насыпала Вера. Мы с Кириллом об этом ничего не знали, выпили и дружно заснули. Я раньше, он чуть позже. Помню, он еще тащил меня до кровати. И вроде бы разговаривал еще при этом с кем-то...

– Разговаривал? – насторожилась Алена. – С кем?

– Не помню. О чем я только что говорила? Сбила ты меня с мысли!

– Ты говорила, что вы с Кириллом заснули. А перед этим он перенес тебя на кровать.

– Да! И еще раздел. И сам рядом лег. А когда мы заснули, кто-то пришел и зарезал Кирилла.

– А тебя этот тип почему-то не тронул. Может быть, все-таки Вера? Кирилл для нее посторонний мужик, а тебя она пожалела. Все-таки родня, хоть и бывшая.

– У тебя ум за разум зашел! Зачем Вере меня или Кирилла убивать?

– Ну, не знаю... Чтобы тебя подставить. Не нравилась ты ей, вот она и придумала, как тебе насолить! Засадит тебя надолго за решетку, а сама будет тебе передачи слать и рассказывать, как у них на воле все хорошо, как ресторан ее процветает и какой Руслан у нее милый, работающий и заботливый. Ну, чтобы тебе еще больней сделать.

– Почему больней? Наоборот, рада за них буду.

– Ну так это ты! А Вера завистлива до ужаса. Она по себе судит.

Вообще-то нарисованный Аленой психологический портрет бывшей золовки удивительно точно обрисовывал характер Веры. Как ни была расстроена Инга, но и она хмыкнула. И все же покачала головой:

– Нет, Вера, может, и вредина, и завистливая, но она не убийца. Ты бы видела, во что превратился Кирилл. Не человек, а дуршлаг! На нем места не было живого, одни сплошные раны. Вера никогда бы не отважилась столько раз всадить нож в тело живого человека.

– А кстати, нож нашли?

– Нет. Не знаю, хорошо это или плохо, но ножа пока что не обнаружили. Однако, по версии следователя, нож был из моего бытового комплекта. Там сталь отличная, и заточены они остро. Запросто можно человека убить. В общем, самого большого мясницкого ножа теперь в комплекте не хватает.

– Убийца забрал его с собой! Или еще где-нибудь к делу решил приспособить. Например, та же Вера! Будет теперь твоим ножом мясо у себя на кухне резать.

– Что ты все «Вера» да «Вера»? – вспыхнула Инга.

– А что? Натренировалась, небось, на рубке мяса у себя в ресторане.

– Максимум, что может сделать Вера, – разбить сырое яйцо или поджарить курицу. Да и то она предпочитает с мясом дела не иметь. Горячий цех у них на Руслане. Сама Вера – трусиха. Нет, это не она приходила. Тут был кто-то другой – очень жестокий и хладнокровный.

При мысли, что в ее квартире совсем недавно разгуливал убийца, Инга вновь затряслась от страха и порадовалась, что Алена так вовремя приехала из своих Дубочков. Подруга не даст ей погибнуть. Такая уж Алена есть: если видит, что кому-то приходится туго, обязательно остановится и поможет. И не потому, что ждет какой-то ответной услуги или благодарности, просто так поможет, от широты своей русской души.

– А как убийца попал в дом? Взломал дверь?

Инга задумалась. Вроде бы следователь говорил, что следов взлома на двери не было обнаружено. Не поверив словам подруги, Алена вооружилась лупой, с помощью которой еще отец Дмитрия – свекор Инги рассматривал марки в своих кляссерах. Лупа была еще советская, хорошая и надежная. С ее помощью Алена со всех сторон рассмотрела дверь и замки на ней и вернулась к Инге на кухню разочарованная.

– Да, никаких следов взлома. Ни царапинки – ничего.

– В полиции тоже склонялись к мнению, что либо дверь была не заперта, либо у убийцы имелся запасной ключ.

– А ты что думаешь?

– Ключом открыл. Я ведь дверь закрывала, хорошо это помню.

– Ну а ключ у убийцы откуда?

– Понятия не имею. Я свои ключи никому не раздавала.

– Здравсте! А я? У меня до сих пор где-то хранится твоя связка.

– Так это от квартиры родителей. Они уезжали, просили меня цветы у них поливать. А я тоже уезжала и тебе передоверила это дело.

– Ну ладно. А от этой квартиры ты никому ключей не давала? Точно это помнишь? А то ведь ты у нас рассеянная – замечаешься и забудешь, что делала и чего не делала.

– Я никому ключей от этой квартиры не давала, – твердо произнесла Инга, для верности еще и отчеканив каждое слово. – Понятно?

Но Алена махнула на нее рукой:

– Это сейчас ровным счетом ничего не меняет! Твой муженек мог дать. Или сынок потерял. Или... или кто-то из знакомых мог взять да и дубликатик себе сделать.

– Мои друзья приличные люди.

– Все?

– Все!

– Так не бывает.

– Я никого из моих друзей не подозреваю.

– Не важно, – взмахнула рукой Алена, – если всех перебирать, уморимся, еще толком не начав. Давай сделаем так. Просто будем исходить из мысли, что убийца – это человек, близкий тебе, вхожий в твой дом и имеющий возможность спокойно раздобыть твои ключи. Для того чтобы сделать с них дубликаты, много времени ведь не нужно.

Инга слушала подругу с замиранием сердца. Все хуже и хуже! Чем дальше в лес, тем страшней. Сначала убийца Кирилла просто разгуливал у нее по квартире. А теперь еще выясняется, что этот человек хорошо знаком самой Инге. Получается, что в ее окружении имелся страшный преступник, а она не только общалась с этим человеком, но и считала его своим другом!

Было от чего похолодеть. И рука сама собой потянулась к хрустальной рюмке, которую сочувствующая горю подруги Алена уже заботливо успела наполнить прозрачной влагой.

Глава 4

На следующий день спозаранку две новоявленные сыщицы отправились на разговор с Верой. Для пущей убедительности они прихватили с собой Ваню – шофера, охранника, грузчика, сборщика мебели и вообще мастера на все руки и работника на все случаи жизни.

Ваня был бессменным стражем при Алене, муже еще со смутных девяностых годов. И потом никогда не отлучался от своего хозяина далеко и надолго. Исключение составляли лишь поездки Алены. Тогда Ваня, мысленно и духовно разрываясь между хозяином и хозяйкой, все же ехал с Аленой.

– Вы, Василий Петрович, в Дубочках и без меня не пропадете. А за Аленой Михайловной глаз да глаз нужен. Не хуже меня знаете, что она в разные истории впутываться мастерица. Увидит сироту на улице, захочет ему помочь. А тут родня мальчонки набежит, то ли цыгане, то ли басурмане. Грязные, в лохмотьях, босые – а на улице мороз минус тридцать. Нечистая сила, одним словом. Нет, как хотите, а я с Аленой Михайловной отправлюсь. Так и мне, и вам спокойней будет. А чтобы у меня совсем душа на месте была, вы, Василий Петрович, уж сделайте мне такую милость, не высовывайтесь никуда до моего возвращения из Дубочков.

И дав такой наказ своему хозяину, Ваня отправлялся следом за хозяйкой. Алена не возражала: Ваня умел быть полезным. Вот и сегодня ему предстояло сыграть роль устрашителя, запугав и заставляя подлюю Веру и ее супруга.

Алена осталась ночевать у Инги, заявив, что так будет безопаснее. А утром, еще до пробуждения хозяйки, Ваня смотался в гостиницу, где отказался от номера и перевез к Инге все вещи Алены. Так что, проснувшись, Алена обнаружила все ей необходимое под рукой. Как уже говорилось, Ваня умел быть полезным. И для своих хозяев он был кем-то вроде няньки, успев изучить за годы службы все их сильные и слабые стороны, недостатки и достоинства.

Но вчера вечером подруги даром времени не теряли. Выпив, закусив и приободрившись, сыщицы обошли соседей Инги, пытаясь выяснить, не видел ли кто из них в ночь убийства кого-нибудь подозрительного. А если не видел, то, может быть, слышал чего. Опрос дал удручающе скудный результат. Только один из соседей упомянул о некоей темной тени, которая вроде бы проскользнула в подъезд приблизительно около двух часов ночи.

Но был ли это убийца или кто другой, сказать точно было невозможно. Да и сосед этот не вполне был уверен в своих показаниях. Он повздорил с женой, сидел на лавочке и мерз, ожидая, пока супруга его найдет и вернет домой. Супруга все не шла, мужику приходилось много двигаться. Он прыгал, бегал и еще постоянно поглядывал в сторону дома, ожидая появления жены. И как незнакомец в темном пальто вошел в дом, хорошо видел. А вот как выходил, почему-то не заметил.

– А как долго вы прождали свою жену?

Оказалось, что где-то до трех утра. А потом окончательно замерз и пошел мириться сам.

Получалось, что если сосед видел преступника, тогда тот зашел в дом в два, а вышел уже после трех часов утра.

– Что же он делал так долго? Примерялся, как бы убить? Колебался?

– Может быть, искал что-то? Когда я проснулась, то в квартире был приличный бардак. Все вещи перевернуты, передвинуты. И драгоценности, которые я на выставке купила, пропали! И кольцо с танзанитом тоже.

Вторым пунктом после визита к Вере у деятельной Алены была назначена поездка в представительство ювелирного дома «Афина Паллада».

– Послушаем, что нам там о твоём Кирилле расскажут. Возможно, за мужиком охотились. Он ведь бизнесмен, запросто мог перейти кому-то дорожку.

– И его убили? Так кроваво?

– Ты права, почерк не очень-то похож на заказное убийство. Но, с другой стороны, никто ведь не утверждает, что киллер должен ходить за своей жертвой обязательно с винтовкой. Есть такие мастера своего дела, которым даже в кайф выдать свою работу за несчастный случай, например. Так и проблем меньше, а кому надо, те нужные выводы для себя все равно сделают.

– А ничего, что отдуваться за убийство мне придется?

Но Алена заверила Ингу, что киллеру на это наплевать. Для него главное – чтобы его самого не вычислили. Где уж тут про других думать!

Ресторан был уже открыт, но хозяев еще не было на месте.

– Ничего, – решила Инга, – мы подождем.

Долго ждать не пришлось. Возле ресторана притормозила грузовая «Газель», из которой вышли Руслан с женой. Вид у обоих был озабоченный. Они переругивались. Причем с улицы до Алены и Инги доносились только обрывки фраз:

– Достало...!

– Твоя мамочка могла бы...!

– Заткни пасть!

– Знала бы... Дверь открой!

– Не барыня...

– Мурло!

Наконец Руслан размахнулся, явно намереваясь стукнуть строптивую жену. Но Вера подставила ему подножку, Руслан едва не упал, а разгневанная Вера опередила его и влетела в ресторан словно фурия. Увидев Ингу в обществе Алены, которую не очень-то жаловала, женщина перекосилась окончательно. Но, надо отдать ей должное, быстро взяла себя в руки, расплылась в широкой улыбке и кинулась к бывшей родственнице и ее подруге:

– Аленушка, это ты? Какими судьбами? Как ты? Все хорошеешь!

И обняв ее, Вера запечатлела на щеках Алены два смачных поцелуя.

– Как я рада! Когда ты приехала? Надолго? По делам или просто развеяться?

– По делам. И дела эти таковы, что касаются тебя, Вера.

Голос Алены не предвещал ничего хорошего. Вера испуганно взглянула на нее. Она знала, как богат и влиятелен муж Алены. И знала, что при желании этому человеку ничего не стоит сровнять с землей и ее саму, и ее ресторан, и даже ее мужа, не посмотрев на многочисленных родственников. Муж Алены мог камня на камне не оставить от всей жизни Веры. И та хорошо это понимала.

Глаза у нее испуганно забегали, что не укрылось от внимательного взгляда Алены.

– Ага, значит, понимаешь, о чем у нас с тобой разговор пойдет?

– Не понимаю, – пискнула Вера. – Чего тебе от меня надо?

– Зачем Инге в вино снотворного набухала?

– Я?... Какое снотворное? Я ничего такого...

Глазки у Веры теперь не просто бегали из стороны в сторону – они буквально закатились. Женщина была страшно напугана. Но при этом сдаваться не собиралась. Смекнув, что никаких доказательств против нее нету, она кинулась в атаку:

– Чего ты ко мне прицепилась? Какое вино? Какое снотворное?

– Прекрасно знаешь какое.

– Ничего я не знаю. И нечего тут пальцы гнуть! Приехала, фифа деревенская! Сиди со своим муженьком, за ним следи.

Услышав, как оскорбляют его дорогую хозяйку, Ваня тяжело вздохнул и угрюмо двинулся вперед. Вера взвизгнула и попыталась укрыться от охранника, выставив впереди себя стул. Вряд ли бы хрупкая деревянная конструкция ей сильно помогла, но Алена остановила Ваню:

– погоди, я пока сама с ней попробую.

И, повернувшись к Вере, произнесла:

– Значит, думаешь, что если мы с мужем в деревне теперь живем, так у нас в городе и знакомых не осталось? Ошибаешься, моя дорогая. И в налоговой, и в санэпидемстанции, и в других местах. В вашем районе санитарный врач – Лапушкин Игорь Степанович. Как раз сегодня утром мы с ним о твоём ресторане говорили.

Вера насторожилась:

– О чем говорили-то?

– Да вот слухи ходят, будто бы вы домашним вином с мужем приторговываете?

– А даже если и так!

– И что за вино? Очень Игорь Степанович им интересовался. Опять, спрашивал, из Молдавии контрабандой везете или тут где поближе покупаете?

Вера нахмурилась еще больше. В словах Алены она отчетливо услышала угрозу благополучию своего бизнеса.

– А тебе-то что?

– Мне-то ничего, это Игорю Степановичу интересно. Просил у тебя спросить: что хоть за вино такое?

– Хорошее вино, – окончательно стушеввалась Вера.

– А санитарным нормам соответствует?

– Конечно, – соврала женщина, причем даже доверчивой Инге было понятно, что она врет. – Всем нравится.

– Нравится, говоришь, – проворчала Алена. – Вино, говоришь, хорошее... Только эффект от твоего «хорошего» вина какой-то слишком уж... убойный.

– Ну, это смотря сколько выпить, – мигом подбоченилась хозяйка ресторанчика. – Если Инга выпила и заснула, так я не виновата. Она за этим вином уже пьяная приехала.

– Пьяная?

– Сама призналась, что целый литр пива выпила. Вот ее после вина и сморило!

– А откуда ты-то знаешь, что Ингу сморило? – прищурилась Алена. – Молчишь? А я тебе отвечу! Это ты ей снотворное в вино подсыпала, гадина! Позавидовала, змея ты подколотная! Навредить решила!

– Чему там завидовать? Ингу муж бросил, а у меня мой всегда под рукой!

– Тому позавидовала, что у нее мужик красивый да богатый нарисовался, а у тебя Руслан кривоногий и рябой! Что Ингу сначала муж любил-обожал, а потом она себе на замену еще лучше кавалера нашла. А на тебя за всю жизнь один только твой татарин и позарился. Да и то не на тебя, а на твой бизнес глаз положил!

В какой-то момент Инге показалось, что Вера сейчас набросится на Алену с кулаками. Но нет, обошлось. Может, Вера и хотела бы надавать тумачков Алене, но ее остановило присутствие охранника. Да и упоминание о некоем Игоре Степановиче, которого явно побаивалась Вера, тоже сделало свое дело.

Вера натянуто улыбнулась и произнесла:

– Ну что ты, Алена, говоришь такое? Никогда я Инге не завидовала. Снотворное случайно в бутылке оказалось.

– Случайно?

– Для себя бутылочку приготовила. Для себя, для дома. На ночь стаканчик со снотворным принимаю и отлично сплю.

– Для себя, говоришь?

– Ну да, – обрадованно затараторила Вера. – А Руслан мою бутылку переставил обратно на полку, где уже приготовленные на продажу бутылочки стояли. Вот так и получилось, что мое вино к Инге попало. Ошибка вышла, извиняюсь.

– Значит, никто не виноват? Простая случайность?

– Да. Случайность.

– А можно узнать, что ты делала той ночью? Ну, после того, как всучила Инге вино со снотворным?

Вера пожала плечами. Когда угроза наказания за историю со снотворным миновала, она оправилась. Испуг у нее прошел. Она выглядела почти безмятежно. Окажись Вера замешанной в убийстве Кирилла, вряд ли она смогла бы так быстро и основательно расслабиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.